

18+

ЛАБОРАНТ

МОРАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ
Сергей Меньшиков

Сергей Меньшиков

Лаборант

<https://litres.ru/73872937>

ISBN 9785006985360

Аннотация

Нолан Каск — учёный, достигший абсолютной власти над миром, превращает конец человечества в моральный эксперимент, сталкиваясь с пределами разума, ответственности и памятью об утраченной любви.

Содержание

Часть 1	6
1	6
2	11
3	16
4	18
5	20
6	26
7	31
8	34
9	41
10	45
11	55
12	63
13	72
14	80
15	85
16	94
17	98
18	103
19	106
20	110
21	113
22	116

23	119
24	123
25	126
26	128
27	137
28	145
29	150
30	153
32	156
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Лаборант

Сергей Меньшиков

*«На Западе Шива-Звезда полыхает, как нефть
Человечество живо, но должно умереть»
Уистен Хью Оден*

Корректор Юлия Ременец

© Сергей Меньшиков, 2026

ISBN 978-5-0069-8536-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

1

Нолан приоткрыл глаза, около окна стоял Гаррет, это он громко распахнул шторы и впустил в спальню холодный утренний свет еще не вставшего, но напоминающего о своем скором появлении солнца.

Гаррет Митчелл, сорокадвухлетний, высокий и крепкий мужчина с короткой стрижкой, выраженными скулами и темными глазами, был одним из лучших «решал» в мире и на протяжении последних двадцати четырех лет улаживал разные дела и исполнял причуды самого богатого и влиятельного человека мира — Нолана Каска.

Гаррет формально возглавлял несколько мультимиллиардных компаний, принадлежащих боссу, занимался сбором компромата, заменой телохранителей, сделками с недвижимостью и много еще чем, утренняя же побудка хозяина была не только одной из его обязанностей, но и важной частью рабочего дня.

— Вставайте, граф, вас ждут великие дела! — артистично произнес Митчелл слова якобы трехсотлетней давности, якобы адресованные какому-то Сен-Симону, но теперь вот требуемые Каском и произносимые уже много лет по утрам

его главным помощником. На театральности произнесения настаивал Каск, чтобы, просыпаясь, сразу вспоминать банальное и все же, по его мнению, абсолютно верное «жизнь — игра».

Гаррет подошел к постели Нолана, держа в руках распакнутый золотисто-карамельный халат из шерсти викуны и бамбукового волокна. Нолан встал. Выше среднего роста с немного неуклюжей, но все же спортивной фигурой, он на мгновение перехватил взгляд Гаррета, как бы пытаясь поймать в нем что-нибудь необычное или тревожное, «решала» посмотрел спокойно в тускло-зеленые глаза хозяина, расположившиеся на «приплюснутом» лице, и, приподняв халат, пригласил босса надеть его.

— Благодарю, Гаррет, — кивнул Нолан.

Запахнувшись в произведение текстильного искусства, он быстрыми движениями растопыренных пальцев пригладил довольно густые, темно-русые волосы и бросил взгляд на запястье. Фитнес-трекеры, которые он не снимал и в постели, подсветили время суток: 5—45 ам.

Завтра Нолану исполнится пятьдесят четыре года, но выглядел он лет на сорок, не больше. Дюжина врачей-биохакеров и косметологов почти ежедневно работали с ним и, судя по результатам, знали свое дело хорошо.

Нолан и последовавший за ним Гаррет вышли на террасу. Каск подошел к широким перилам из черного с золотыми

прожилками мрамора и, уперевшись в них руками, посмотрел вдаль. Терраса обнаруживала вид на ландшафтный сад, который каскадом уходил к краю высокого утеса и уже вместе с ним нависал над Атлантическим океаном.

Каск несколько мгновений внимательно изучал линию соприкосновения воды и неба, которая в это утро была почти не видна и магически сливала две стихии в единое целое так, что корабли, видневшиеся на горизонте, будто плыли и по воде, и по небу.

На террасу вышел слуга, с персиково-бронзовой кожей, он принес запрещаемый врачами черный кофе, рекомендованный ими же стакан теплой воды с лимоном и жестяную банку с диетической «Колой», отношение к которой им было запрещено формулировать. Гаррет кивнул «Бронзовому» человеку и тот поставил все это на красивый мозаичный стол и исчез.

Каск медленно выпил воду. Потом открыл жестянку, налил из нее в кружку с кофе немного «Колы» и, получив свой любимый энергетик, который он называл «КоКо», вновь повернулся к океану.

Появились первые прямые лучи солнца, они озарили террасу и подсветили карамельно-золотой рисунок халата с изображениями древних африканских богов, сделав и самого Каска похожим на одного из них. А после того, как проекция встающего солнечного диска «водрузилась» хозяину на голову, любящий египетскую тематику Гаррет, подумал,

что перед ним воплощение бога солнца Ра, только с кружкой в руке и с человеческой головой вместо положенной этому богу головы сокола.

«Бог Солнца», чуть повернул подбородок в его сторону и сказал:

— Гаррет, через час в зале «Алсет».

Гаррет кивнул и уже собрался уйти, как Каск остановил его вопросом:

— Как там Неффи?

Гаррет мельком заглянул в глаза Каску, вопрос его немного удивил:

— Спасибо, Нолан. В порядке.

Каск кивнул и продолжил:

— Относительно прибывающих сегодня випов я передумал. Тех, кого я должен был встречать, пусть встретит... — Нолан на секунду задумался, — впрочем, распорядись сам, кто их встретит, мне все равно.

Солнце уже полностью вышло и, повиснув над океаном, не касаясь кромки планеты, озаряло Атлантику, а вместе с ним и утесы «Новой Португалии», держащие на себе огромное поместье Нолана.

— Я могу идти? — спросил Гаррет.

Нолан кивнул и, развернувшись к океану, слушая удаляющиеся шаги Гаррета, подумал, что вот уже больше двадцати лет тот говорит ему по утрам: «Вставайте граф, вас ждут великие дела!», но только завтрашний день по-настоящему

можно будет назвать великим.

Каск приложил правую ладонь к груди и тут же выкинул ее вперед, только теперь уже сжатую в форме фиги, и вновь закричал, обращаясь то ли океану, то ли горизонту:

— А это ты видел?!

Ответа Каск ждать не стал, а тихо добавил:

— Скоро увидишь.

После этого он вновь отхлебнул из кружки своего напитка и внезапно стал задумчив, он присел. Не свойственная ему сентиментальность, захватила его, вдруг появившись воспоминаниями о событиях тридцатилетней давности.

2

— Нолан, ну ты идешь?! — крикнула Эстелла, выглянув из-за угла длинного коридора лабораторного университета, и увидела его стоящим на одном колене и завязывающим разболтавшийся шнурок.

Белый, накрахмаленный лаборантский халат топорщился и закрывал Нолану обзор ботинка, шнурок не хотел завязываться. Нолану вообще с трудом давался процесс завязывания шнурков, можно было сказать, что он его ненавидел с раннего детства. Как-то в столовой университета, ковыряясь в спагетти, он пошутил, что не любит макароны именно за то, что они напоминают ему шнурки. Эстелла смеялась и уговаривала Нолана съесть пасту и отомстить таким образом всем веревкам мира. Они хохотали, довольные друг другом, а Нолан, любуясь улыбкой Эстеллы, мстил «шнуркам» из твердых сортов пшеницы с помощью казни-поедания, делая это с комично подчеркнутой жестокостью.

Эстелла подошла к Нолану, присела и наклонилась, чтобы завязать причину вынужденной остановки, густые золотистые кудри упали ей на лицо. Эстелла подняла взгляд к Нолану, одновременно взяв свои волосы в пучок, и попросила придержать их, пока она завязывает его шнурки. Нолан виновато улыбаясь, сказал:

— Спасибо, Эстелла. Все, обещаю, буду носить обувь без

шнурков.

— Ты уже это говорил. Но упорно продолжаешь носить шнурки, или, может, тебе нравится, что я тебе их завязываю периодически? — парировала, посмеиваясь, Эстелла.

Нолан Каск и Эстелла Моррисон второй год работали на биологической кафедре Пенсильванского университета ведущими микробиологами. Окончив к тому времени бакалавриат в разных вузах, они, каждый, в свои неполные двадцать три года, встретились здесь, в стенах «Пенн», и уже заслужили уважение и доверие более старших коллег. Нолан и Эстелла были фанатично преданы науке, университету и взаимной дружбе.

Теперь же они шли по коридору к двери лаборатории, в надежде наконец увидеть созданный ими, как они выражались, шедевр микробиологии 21 века.

Ученые выращивали колонию *Speliocferus Universalis Modificatio* (SUM), уже больше года, и это была семнадцатая попытка. Первые шестнадцать провалились, но не сломили исследовательской дерзости друзей, и сегодня был день, когда они ожидали, наконец-то, получить результат, а именно получить бактерии SUM в форме, которая должна была обладать специфической характеристикой — распознавать и захватывать патологические белки прионы (PrPres), причину смертельной для человека болезни — болезни Крейтцфельда-Якоба (Creutzfeldt—Jakob disease).

Эксперимент Нолана и Эстеллы поддерживал их руково-

дитель, профессор Кауфман, но поддержка эта имела больше снисходительный оттенок с его стороны, чем реальную веру последнего в положительный исход эксперимента. И дело было не в том, что подход молодых микробиологов был радикально новаторским, в конце концов, именно новаторство и в особенности радикальное, зачастую присущее молодости, как раз и совершает прорывы в науке, дело было в том, что, по мнению Кауфмана, их подход, как это ни звучало ужасно по отношению к умницам Нолану и Эстелле, был абсурдным, — а вовсе не новаторским. Но одновременно с этим профессору нравились молодые ученые, их энтузиазм и страсть к молекулярной биологии, и он почти не критиковал их, надеясь, что азарт и тернистая дорога *cognito microcosmi* сама приведет их к правильным выводам и уже потом позволит продвигаться дальше гораздо более эффективно и стремительно.

Нолан увидел Кауфмана одновременно с Эстеллой, профессор выходил из двери лаборатории. Кауфман приветствовал студентов быстрым жестом поднятой руки, скомканной улыбкой и, явно торопясь и не дожидаясь их приближения, скрылся за дверью, ведущей к центральным лифтам.

Нолан и Эстелла переглянулись, такие действия были не характерны для общительного и жизнерадостного профессора, но они уже были рядом с дверью, и мысли о Кауфмане, полностью сменились нетерпением увидеть «золотую плесень», которая должна была в эти дни появиться на по-

верхности колонии *Speliocferus UM* в чашке Петри DURAN из боросиликатного стекла.

«Золотой» плесень называлась из-за своего желтого, блестящего оттенка, который в совокупности с другими признаками был показателем того, что произошел нужный метаболизм и вырабатываемая бактериями вещество с 99,9 процентной вероятностью будет обладать тем самым необходимым им свойством и сможет произвести революцию не только в лечении болезни Крейтцфельда-Якоба, но и всей нозологии прионных заболеваний.

Эстелла посмотрела в считыватель рогами, и дверь открылась. Лаборатория была пуста, что, в общем-то, было неудивительно, поскольку начались каникулы и почти все аспиранты и студенты уже покинули университет на летний период.

Друзья-коллеги прошли в помещение. Лабораторный шкаф с чашкой Петри и колонией *Speliocferus UM* стоял в глубине комнаты и с того места, где Нолан и Эстелла остановились, был не виден. Нолан поднял глаза по направлению к условному небу, а Эстелла, иронично улыбаясь, зная атеистические взгляды Нолана и помня про такие же свои — под стать ему, — сложила ладони вместе и, утрированно прикрыв глаза, сделала вид, что шепчет молитву, потом, открыв глаза, жестом пригласила Нолана первым проследовать к шкафу. Нолан кивнул и, повернув в пролет между лабораторными шкафами-хранилищами, отправился к месту, где

стояла их чашка Петри.

3

Эстелла, сделала шаг за Ноланом, и тут же ее смартфон издал жужжащий звук-вибрацию принятого сообщения, она на секунду приостановилась и отвлеклась, и в этот момент услышала:

— Черт! Что за... черт... — Нолан буквально извергал проклятья.

Сперва Эстелла подумала, что у него опять развязался ботинок, потому что увидела его со спины, наклонившимся и будто вновь борющимся со шнурком. Но затем поняла, что он стоит на коленях и шнурки тут ни при чем. Эстелла еще не видела, над чем он склонился, но по его позе, интонации, обескураженности, застывшей на его лице, когда он повернулся к ней, и по открытой стеклянной дверце шкафа, догадалась, что произошла беда, и произошла она с их экспериментом.

Эстелла подошла поближе, под ее подошвой хрустнул осколок стекла, она отдернула ногу, и в этот момент увидела, что на площади примерно в двадцать квадратных футов лежали остатки их эксперимента. Чашка Петри разбилась вдребезги. Драгоценное содержимое расплескалось в пределах той же квадратуры.

— Нолан, как же ты... — растерянно спросила Эстелла, будучи уверенной в том, что именно он уронил DURAN,

неловко доставая стекло из шкафа.

Нолан вскочил на ноги и, взглянув на Эстеллу, сказал встревоженно, но уверенно:

— Это не я, — и выбежал из коридорчика шкафов в направлении главной консоли лаборатории.

Эстелла хотела что-то сказать вслед Нолану, но он скрылся и уже шумел чем-то там в центральной части помещения. Она же присела на корточки и, подняв двумя пальцами крупный осколок, принялась его разглядывать, но не увидела ничего, что могло бы ее заинтересовать, и вернула его на пол и взяла еще один, тоже крупный, но более ребристый. Изучив его, она наклонила голову под другим углом, подняла руку с осколком, чтобы рассмотреть в свете потолочной лампы.

Вернулся Нолан с портативный микроскопом, коробкой с рабочими стеклами и еще небольшим ящиком с разным лабораторным инструментарием. Эстелла повернула голову к Нолану и, не меняя положения руки с осколком, таинственно улыбнулась и прошептала:

— Иди посмотри.

Нолан быстрым движением положил оборудование на пол, подскочил к Эстелле и упал на колени, впившись взглядом в осколок.

На стенке осколка, некогда бывшего внутренней частью чашки, паутиной плесени золотились две Нобелевские премии.

Оставив Каска на террасе, Гаррет быстро вышел из приватной части дома, преодолел несколько переходов и направился в административное здание. Он думал, как так могло получиться, что сравнение Каска с богом солнца, сделанное им полчаса назад, до этого момента не пришло в голову никому другому. Ведь это действительно странно, что человека, сумевшего превратить колоссальные объемы солнечной энергии в свои, человека, которого энергия солнца сделала самым влиятельным в мире, никто до сих пор так и не назвал очевидным и, главное, отражающим суть эпитетом — бог солнца.

Все шло по плану. По плану, разработанному Ноланом Каском, который Гаррет, как обычно, соблюдал неукоснительно. Точность соблюдения заданий свое босса, была смыслом жизни Гаррета Митчелла и всегда приносила ему радостные ощущения своей причастности к великим деяниям. Сейчас радость усиливал тот факт, что две его страсти — страсть служения Каску и страсть к египтологии, усиленная девушкой-гуманоидом по имени Неффи, — дополнилась определенно заслуженным сравнением хозяина с богом солнца Ра. Эта мысль придавала большому периоду работы на Нолана символичность и эстетическую завершенность: Гаррет, потомственный египтолог, служит божеству и живет

с девушкой-роботом, похожей на египетскую царицу Нефертити.

Улыбнувшись своим выводам, Гаррет на ходу набрал помощницу Дину:

— Дина, планы по встречам випов поменялись, Лиору Стрейс встретит не Нолан, а Калдаш, набери его, пусть едет в аэропорт. — Он помедлил, а после добавил: — А вообще, знаешь, пусть Калдаш забирает все сегодняшние встречи випов в аэропорту, которые были закреплены за Ноланом. Сообщи ему немедленно.

Капитан в красивой летной форме вышел из кабины частного авиалайнера в салон-гостиную и обратился к женщине средних лет в темно-сером брючном костюме, сидящей в отдельном кресле и внимательно смотрящей в окно иллюминатора.

— Госпожа Стрейс, через пятнадцать минут мы будем готовы приземлиться в Новой Португалии, в аэропорту Нолана Каска. Прошу вашего разрешения на посадку.

Лиора Стрейс повернула лицо к капитану, дежурно улыбнулась и кивнула, ее светло-каштановые волосы, уложенные в классическое каре с челкой, качнулись, как бы подтверждая согласие хозяйки. Капитан почтительно склонил голову и отправился в кабину.

Лиора вернула взгляд на бугристо-белый сплошной настил из облаков. Она находилась не в лучшем расположении духа с самого начала этого трехчасового полета из бывшего курортного города Санкт-Петербурга, во Флориде, а ныне столицы USA±Ca в Новый Новый Свет (New New World) на пятидесяти четырехлетие Короля Мировой Энергии Нолана Каска.

К своим сорока восьми годам Лиора достигла многого, если не сказать всего, — заканчивался третий месяц ее второго срока на посту президента USA minus California plus

Canada (USA±Ca). То, что пост президента USA±Ca, — это и есть вершина карьеры политика, признавало большинство не только собственно политиков, но также и обычных граждан планеты Земля.

Так же хотелось думать и самой Лиоре и, собственно, она так и думала, точнее, заставляла себя возвращаться к мыслям о своем превосходстве, когда ловила себя на абсолютно непонятной и несвойственной ей растерянности, безысходности и, стыдно даже подумать, — слабости, сопровождающейся отдаленным желанием есть шоколад и плакать.

Конечно, работа Лиоры подразумевала ежедневные беспокойства, но это были тревоги понятного генеза. Происхождение каждой напряженной мысли Лиора моментально и безошибочно могла определить и, значит, принять меры, чтобы предугадать и устранить возможные проблемы.

Едва различимая и именно этим крайне неприятная тревожная нота не оставляла Лиору в покое около месяца. Она не могла понять характер этого раздражающего звука в своей голове и все это время пыталась выяснить, какова же причина ее беспокойства. Об этом она думала и сейчас, сидя в кресле президентского лайнера, пытаясь вытащить наружу из глубин подсознания суть своего страха. Но по-прежнему усилия не приносили успеха.

Лиора была умной и жесткой. Жесткость была свойственна не только ее характеру, но и ее атлетическому телу — мышцы, натренированные многолетними тяжелыми заняти-

ями единоборствами и бегом, по выносливости и силе могли соперничать с мышцами реальных, титулованных спортсменов.

Она никогда не обращалась к психотерапевтам по прямому назначению, в этом просто не было нужды. Поэтому и команда психологической службы президента, необходимая по регламенту, была больше подобрана из психологов с навыками маркетологов, способных дорого продать Лиору мировому сообществу.

Психологи-маркетологи занимались подготовкой регулярных срезов ее «восхитительной психофизической устойчивости», данные эти были частью новостей на ведущих ТВ-каналах; в официальных постах администрации президента в самых крупных соцсетях и в рилсах-хокку — новом, набирающем популярность формате сверхкоротких, визуально-рифмованных роликов.

И если бы Лиора обратилась к одному из таких своих помощников по поводу чувства растерянности и безысходности, ее бы, скорее всего, не поняли, а имидж «железной леди» неминуемо бы ослаб, сначала внутри команды, а за этим и, вполне возможно, информация просочилась бы наружу. Лиора не могла себе этого позволить, и, смотря сейчас в иллюминатор, она твердо решила, что по возвращении в Петербург займется поиском анонимного психотерапевта и сделает так, что тот не догадается, для кого проводит свои сеансы.

Успокоив себя таким решением и еще не зная, что ей

никогда не суждено это осуществить, Лиора с небольшим облегчением выдохнула. Она поморщилась, откинулась на подушку подголовника и закрыла глаза, решив, что сейчас больше не станет гоняться в поиске причины своей тревоги. Стоило ей расслабиться, тут же, как яркая неоновая вывеска, в её голове вспыхнуло: «Причина моей тревоги — Джейсон Ди Горман».

Джейсон Ди Горман был ее соперником на прошедших выборах, но проиграл он достойно, и никакой особенной, сверх дозволенной этикетом грязи, для такой борьбы, не было ни с ее, ни с его стороны. Битва закончилась три месяца назад. Но то, что тревога, очевидно, была связана с Ди Горманом, Лиора уже под сомнения не ставила.

Лайнер «встряхнуло», — понятие «турбулентность» ушло в прошлое с массовым переходом авиации на гиперзвук Mach 2, но иногда такие толчки еще имели место.

На диванах неподалеку от Лиоры сидели ее дети: Марло и Бобби. После встряски-толчка они переглянулись и негромко засмеялись. Им нравились «качели» самолета как симптомы чего-то несовершенного, а значит, запретного в их идеальном мире детей «Железной Леди».

Бобби был младшим, двенадцатилетним, невысоким, худеньким, с огромными оленьими глазами подростком. Марло через месяц должно было исполниться семнадцать, и почти пять лет разницы наделили стройную, с густыми, темно-русыми волосами и с горбинкой на носу Марло статусом

второй мамы. И если настоящая мать исповедовала аскетизм и суровость по отношению к детям, то Марло относилась к Бобби с большой нежностью и любовью. Бобби обожал Марло и платил ей той же «валютой».

Лайнер встряхнуло еще раз, Бобби и Марло улыбнулись и потом громко расхохотались от какой-то шутки, сказанной братом на ухо сестре. Лиора посмотрела на детей, Бобби поймал ровный, холодный взгляд матери и слегка коснулся руки хохочущей Марло. Марло, не глядя на мать, чуть сжалась и моментально успокоилась. Сидящая неподалеку от подростков девушка в синем деловом костюме улыбнулась и переместилась к ним на диван.

— Скоро прилетим и там оторвемся, — заговорщически шепнула она.

— Ты серьезно, Ава? — одновременно с подозрением и мольбой спросила Марло.

— Обещаю, — уверила Ава и приложила руку к сердцу.

Марло осмотрелась и быстро поцеловала Аву в щеку. Бобби восхищенно развел руками и проверил, не видела ли мать. Марло счастливо улыбнулась.

Ава совсем недавно поступила на службу к Лиоре в качестве тьютора-гувернантки. Она окончила бакалавриат департамента социологии в университете Чикаго с отличием, собрав за время учебы соцветие различных премий и наград, в том числе Стипендию Президента и Стипендию ярких студентов. Ава была полиглотом и знала девять языков,

в том числе мертвую латынь. К своим двадцати шести годам она успела поработать на ключевых позициях в нескольких крупных компаниях и решила пройти отбор на должность тьютора к детям Лиоры в надежде заслужить доверие и уже с этой позиции сделать скачок к вершинам власти.

Ава не была, что называется, расчетливой карьеристкой, наоборот, она была открытым, может быть, даже слишком, человеком, который мечтал изменить мир к лучшему. Она прошла личный отбор Лиоры из сорока восьми кандидатов-финалистов, предварительно отобранных на эту должность среди почти пяти тысяч желающих. Ава действительно заслуживала это место, и теперь, в их первой совместной поездке, это надо было показать Лиоре. Причем сделать это надо было, одновременно заслужив уважение и доверие со стороны детей.

Самолет, как и обещал капитан, пошел на снижение. Лиора, Марло, Бобби, Ава и еще несколько помощников и охранников смотрели в иллюминаторы на огромную светящуюся надпись, которая появилась на земле при подлете к аэропорту. Надпись была сделана прописным шрифтом и переливалась на световых панелях площадью две квадратных мили: «Лиора, приветствую тебя и добро пожаловать в Новую Португалию! Нолан».

Эстелла и Нолан сидели на полу в лаборатории перед осколками разбитой чашки Петри и рассматривали один из них.

— Смотри, — Эстелла поворачивала стекло под разными углами к свету лампы.

Нолан зачарованно взирал на осколок в ее руках и, увидев вожаделенную «золотинку», захлебнулся восторгом, что выразилось в икоте и глупой улыбке, расплывшейся по его лицу. Эстелла, услышав звук, издающие Ноланом, посмотрела на него и улыбнулась. Она подняла следующий осколок и стала его рассматривать, любуясь им, как драгоценным камнем.

Скользя взглядом по профилю Эстеллы с поднятым к потолку подбородком, Нолан внезапно ощутил приятное и теплое чувство в области груди. Эстелла вновь повернулась к нему и показала на свет осколок.

— Мы это в итоге сде... — Эстелла не договорила, остановившись на полуслове.

Нолан слегка коснулся ее руки и Эстелла увидела в его взгляде нечто, что не было связано напрямую с их победой. Это было что-то новое и прекрасное, то, от чего все ее тело вдруг окатило жаром.

Эстелла потянулась к Нолану. Он обхватил ее лицо рука-

ми. Они внезапно потеряли равновесия и стали падать, но решили не мешать и довериться телам, так в итоге оказались лежащими на полу лаборатории. Они лихорадочно освободили себя от той части одежды, которая им мешала, и занялись любовью.

За секунду до поцелуя ощущение тепла и волнение внутри Нолана стали расти в геометрической прогрессии, и он понял, что это начало нового этапа его жизни. Этот момент осознания любви к Эстелле, этот поцелуй Нолан будет помнить всю жизнь, хотя уже позже, значительно позже, но все же, когда жизнь начнет меняться, окрашиваться в другие цвета, и эта новая палитра повлияет на их с Эстеллой отношения, Нолан будет хотеть, чтобы этот момент, как и многие другие моменты их счастья больше не появлялись спонтанными всплесками на поверхности его памяти. Но он, нобелевский лауреат, человек, который в итоге будет контролировать даже солнце, так и не сможет научиться управлять памятью.

Ибо, как говорил другой нобелевский лауреат: «Память, встречаясь со временем, узнает о своем бесправии».

Забыть любовь невозможно, она не может быть забытой. Забыть можно страсть — вот еще мгновением раньше пылал этот сжигающий огонь, и вот теперь его нет, удивительно и даже смешно, что когда-то это чувство было так сильно, и сейчас ничего не осталось.

С любовью не так, потому что любовь — это не страсть.

Любовь часто, очень часто, путают со страстью просто потому, что они подруги, очень близкие подруги, а близкие подруги предпочитают гулять вместе. Но какими бы близкими они ни были, любовь — это не страсть. У них и характер, и внешность разные.

Страсть — девушка с очень яркой внешностью, она не вульгарна, но она блистает, демонстрирует себя, доходя до грани соприкосновения с вульгарностью. Волосы выются, губы алые, грудь вздымается, глаза горят. Горят так сильно, что можно ослепнуть и много себе надумать от этого ее взгляда и позже даже окаменеть. И если женщина превратила мужчину в камень, то, вероятно, он имел дело с Медузой Горгоной. В общем, страсть чем-то и напоминает Медузу Горгону, ту самую мифологическую деву, то чудовище с женским лицом и змеями вместо волос.

Страсть, как и Медуза, может превратить человека в камень, достаточно сначала разжечь в нем огонь, а потом окунуть его в ледяную воду, и вот, камень готов: лишенная способности к рациональному мышлению личность, замкнутая в цикле страданий и разрушений. Но, как только этот цикл страданий и разрушений заканчивается, все воспоминания об этом периоде взаимодействия со страстью стираются, точнее, вспоминаются конкретные события, но они уже не интересуют и никаким образом не отзываются и тысячной долей тех терзаний, которые когда-то человек испытывал.

Совсем другое дело — любовь. На поверку оказывается,

что она хоть и подруга страсти, но это вынужденная дружба. Любовь дружит со страстью от сострадания к ней, от высочайшей степени эмпатичности, которую она носит в себе. Так, прикоснувшись однажды к страсти, она уже не может ее оставить одну, только она видит ее язвы и ту боль, которую она ей причиняет.

Задумав однажды спасти страсть, любовь не учла одного, что спасение невозможно, кроме одного случая, — когда страсть сама захочет стать любовью. Но случается это не часто, потому что жизнь страсти — это веселье и поверхностное скольжение по посеídoновским волнам, ну, пусть язвы изредка беспокоят, зато не надо глубоко нырять, как это делает любовь, не надо рисковать собой во имя спасения всего живого.

Хотя любовь и убеждает страсть, что язвы излечатся именно там, на глубине, но кто же ей поверит? Кто бросит веселье, чтобы поменять его на скользкую глубину? Что там есть, в глубине, и есть ли она вообще, эта глубина-то? Вот-вот, и страсть думает так же.

Как любовь» выглядит? Возможно, что она представляется такой скромной и симпатичной девушкой с кротким взглядом и милой улыбкой, русоволосой, стоящей около такого же, как и она, тонкого деревца, в ситце голубого узора и в цвет ему, узору, глазами? Если вы представили её такой, то значит она такая и есть. Но вот вам другой ее образ, который вполне себе может существовать с большей вероятностью,

чем первый: любовь — это женщина средних лет, среднего роста, с крепким телосложением, не толстая, но и худенькой ее не назовешь, черты ее лица правильные. Она уверенной походкой идет по улицам городов, внимательно смотрит по сторонам. Ее очень редко, кто замечает, хотя очень многие говорят, что ищут ее. Статистика удачных поисков любви удручает, складывается впечатление, или врут, что ищут плохо, или ищут не ее.

Любовь яркая, но это не такая яркость, как у ее подруги страсти. Свойство этой яркости — не ослеплять, а светить. Светить, чтобы освещать путь и помогать этим самым идти, ползти, скакать, лететь, расти, течь, дышать и много еще чего делать. Если же ваш взгляд встретится с ее взглядом, то тепло ее взора проникнет в душу и уже никогда не исчезнет и не покинет вас. Поэтому забыть любовь — задача непосильная для человеческой души. Как можно забыть тепло, которое все время с тобой и пронизывает каждое мгновение жизни, заполняя пустоты и становясь твоей частью? Забыть Любовь — значит отказаться от себя, забыть Страсть — значит вспомнить себя.

Чуть позже, когда их первая близость закончилась и они еще лежали на полу лаборатории, в узком проходе между шкафами, Нолан приподнялся на локте, посмотрел на Эстеллу и удивленно подумал: «Надо же, как это я не замечал, что она так ослепительно красива...»

— Какая ты красивая, — зачарованно повторил Нолан уже вслух, протянул руку, чтобы коснуться лица Эстеллы, и немного повернулся на бедре. Один из осколков впился в его ягодицу. Нолан вскрикнул.

— Настолько красивая? До крика? — засмеялась Эстелла.
— Что там?

Нолан поднял правую руку, между указательным и большим пальцем он держал кусочек чашки Петри. Эстелла сказала, посмеиваясь:

— Наш эксперимент ревнует и требует, чтобы мы вернулись к нему. Кстати, если на нем есть наша плесень, то, считай, ты привит от Крейцфельда-Якоба.

Нолан, засмеялся, отбросил в сторону стекляшку, наклонился к Эстелле и поцеловал ее в губы. Глаза Эстеллы, вместо того чтобы закрыться, широко распахнулись. Она слегка отодвинула Нолана и, смотря на потолок, объявила:

— У меня две новости. Хорошая и еще одна.

Нолан повернулся в сторону взгляда Эстеллы, на них из

угла помещения внимательно смотрела видеокамера с мигающим красным глазком.

Нолан с Эстеллой быстро шли по коридору лабораторного корпуса, выглядели они обеспокоенными и счастливыми. Счастливы они были по причине внезапного и взаимного чувства, а обеспокоены по причине наличия двух видеозаписей с камеры наблюдения в лаборатории. На одной из них, как раз и было записано доказательство из чувства, и эту запись надо было удалить. На второй — и они очень на это надеялись, — была разгадка катастрофы, случившейся с их экспериментом. Кто или что разбило их чашку Петри?

Подозрение падало на Кауфмана. Они знали, что профессор считает их эксперимент пустой тратой времени и что относится снисходительно лишь по причине своего доброго характера и нежелания ссориться с настырными молодыми экспериментаторами. Но все же главным в их подозрении было то, что он так поспешно выбегал из лаборатории и не остановился, как обычно, сказать им пару приветственных слов.

Они предположили, что Кауфман увидел, что на поверхности чашки Петри появилась золотая паутинка, его уязвленное эго не выдержало, и он как бы «случайно» уронил чашку. Но верить в это не хотелось, они дружили с Кауфманом, и в этом случае это был бы печальный поворот их отношений.

Да и верилось в это с трудом. Все-таки Кауфман был профессором, ученым и человеком, никогда не запятнавшим себя подобной грязью, чтобы из таких низменных чувств, как зависть или уязвленное самолюбие, взять и разбить гениальный, а теперь уже понятно, что гениальный, эксперимент.

— Странно, так странно, неужели это мог сделать профессор? Честно говоря, вообще не верится, — сказала Эстелла, на ходу коснувшись пальцами руки Нолана.

— Сейчас все выясним, — ответил Нолан, обхватив кисть Эстеллы и нажав кнопку вызова лифта.

8

Каск задумчиво смотрел на океан, опершись на мраморные перила и окончательно осознав в себе эту меланхолию, чтобы сбросить морок ненужных воспоминаний, немного напрягся и тут же встряхнулся всем телом, потом провел ладонями по лицу и отошел от мраморного ограждения.

Каск снял халат и лег на прохладный пол террасы живо- том, прижавшись всем телом к шлифованному камню, за- стыл и тут же подтянул руки к груди, уперся ладонями в пол и начал быстро отжиматься. Уже ближе к пятидесятому дви- жению он вернул себе бодрость, которую потерял, вспоми- ная Эстеллу.

Через сорок минут Каск зашел в зал совещаний, который представлял из себя современное пространство с оборудо- ванием, позволяющим по каналам правительственной связи общаться с любым человеком на планете, делая его 3D-ак- тивным участником встречи с полной иллюзией его физи- ческого присутствия. Зал позволял проводить как обычные локальные совещания, так и большие конференции числен- ностью до трех тысяч человек.

Гаррет встретил Нолана у входа, и пока они шли к огром- ному овальному столу, за которым уже разместилось сорок восемь человек, успел ему коротко доложить:

— Лиору встретил Калдаш. Она только что приземлилась и сейчас размещается в отеле.

Риккардо Калдаш был премьер-министром Новой Португалии — так уже более семи лет называлась территория бывшей провинции Португалии — Алгарве. Каск купил шесть тысяч квадратных километров юга «Страны Фадо» и зарегистрировал там свою, назвав ее незатейливо: Новая Португалия.

Полномочия президента Новой Португалии Каск взял на себя, при этом предложив место премьера местному политику средней руки, живущему в Алгарве с рождения. Это и был Риккардо Калдаш, сегодня отправленный Гарретом встречать президента США±СА Лиору Стрейс.

Калдаш был нужен Нолану не для реального управления государством — для этих целей у него были другие люди, — а для налаживания связей с коренными жителями, которые относительно долго не хотели признавать Каска хозяином этих территорий. Но со временем южане-португальцы осознали все преимущества такого «вассального» положения и больше не сопротивлялись переменам, а получали удовольствие от щедрот своего нового хозяина.

С этого момента Западная Европа и в особенности Португалия с легкой руки одного журналиста, стала называться Новый Новый Свет (New New World). Такой эпитет подразумевал, что передовая цивилизация вместе с Ноланом Каском вернулась назад в Европу после многовековой «прогул-

ки» по Америке.

Каск одобрительно кивнул Гаррету и, подойдя к столу, обратился к присутствующим:

— Рад всех видеть, господа и дамы! Здравствуйте! — Он проскользил взглядом по лицам и, обнаружив нужного человека, сказал: — Бьёрн, начинай.

Среди участников собрания были ключевые сотрудники, ответственные за успех праздничных мероприятий, посвященных празднованию пятидесяти четырехлетия Нолана Каска: группа инженеров, отвечающих за видеотрансляцию как внутри поместья, так и за телетрансляцию по мировым каналам; группа специалистов, следящих за работой всех электронных и компьютерных систем; менеджеры, обеспечивающие бытовое обслуживание гостей; служба безопасности и еще несколько подразделений, также задействованных в некоторых областях предстоящих событий.

Бьёрн Хансен, норвежец, был главным распорядителем мероприятия, все указанные службы подчинялись ему напрямую. Он поднялся и вышел к интерактивному экрану. В процессе выступления Бьёрн прошелся по всем моментам и нюансам завтрашнего события.

Хансен напомнил, что празднования начинаются завтра, 24 июня, в 12—00 программой «Шоу Лаборанта» и что это шоу будет вести лично господин Нолан Каск. Праздник продолжится самыми различными увеселительными представлениями, которые продлятся семь дней, и закончится га-

ла-концертом с участием звезд мировой эстрады.

Бьёрн доложил, что около девяносто пяти процентов гостей уже собрались и благополучно размещены в построенных двадцати четырех отелях, вмещающих шестьсот двадцать четыре номера каждый. Здания эти расположились, как и другие строения, предназначенные для праздника, рядом с самим поместьем Каска и были его гармоничным продолжением.

Так же Хансен напомнил о грандиозности события, упомянув, что на торжество в честь дня рождения Нолана Каска приглашено две тысячи четыреста вип-гостей. Но фактически прибывающих на праздник будет значительно больше, поскольку на одного приглашенного вип-гостя, допускается приезд от трех до десяти сопровождающих, в зависимости от ранга гостя. Таким образом, ожидалось прибытие около двенадцати тысяч человек. Для них и были построены эти двадцать четыре отеля.

Хансен бегло пробежался по категориям вип-персон. Это были: президенты всех ста девяносто трех, признанных ООН, государств; четыреста известнейших политиков мира; звезды шоу-бизнеса, телевидения и кино. Все вместе они составили четыреста пятьдесят пять человек. Ученые с мировым именем и лауреаты Нобелевской премии увеличили список гостей еще на четыреста пятьдесят два человека; звезды спорта и бизнеса — по четыреста пятьдесят в каждой

категории.

— Таким образом, — повторил Бьёрн, — получается две тысячи четыреста вип-персон.

Заканчивая говорить о приглашенных, Бьёрн использовал норвежское выражение *kirsebæret på toppen*, что соответствовало английскому «вишенка на торте». Так вот такой «ягодой», по мнению Бьёрна, а Бьёрн был сторонником тех, кто считал, что вишня — это ягода, оказалось приглашение Ноланом на праздник всех без исключения жителей города Фару, теперь уже столицы Новой Португалии.

Для населения, количество которых было около семидесяти тысяч, местом гуляния были назначены главные площади города и подготовлены такие увлекательные развлечения, чтобы последние сомнения патриотов обычной Португалии о правильности решения продать Алгарве Каску рассеялись полностью.

Продолжился доклад Бьёрна короткой информацией-напоминанием о главном строении, созданном для праздника, и именно в нем должно было пройти первое мероприятие «Шоу Лаборанта».

Речь шла о построенном на территории поместья античном амфитеатре. За образец была взята *Arena di Verona*. Знаменитый прототип в Италии имел около двадцати тысяч посадочных мест, *Arena di Kask* же была немного скромнее — на тринадцать тысяч кресел. Но сделано это было намерено, — за счет уменьшения количества мест значительно увели-

чивался комфорт гостей. Они должны были сидеть не на каменных, непрерывно следующих друг за другом лавках ярусов, а в больших и удобных креслах. На самих ярусах расположилось одиннадцать тысяч мест, и непосредственно на арене, или, можно сказать, в партере, стояло еще две тысячи кресел.

Сцена занимала более восьми тысяч квадратных футов и представляла из себя чудо современного инженерно-сценического искусства. Интерактивность, аудиовизуальные характеристики, дизайн, креативность пространства — все это по отдельности было самым современным в мире, а собранным на одной территории превосходило все фантазии лучших шоуменов планеты.

Когда Бьёрн закончил, выступили с докладом о готовности еще некоторые руководители подразделений и детализировали свои задачи на предстоящем мероприятии. После их выступлений Каск взял финальное слово:

— Друзья, позвольте мне авансом выразить вам благодарность за столь высокий уровень подготовки. Я уверен, что моя оценка не будет омрачена каким-либо событием, с которым ваши навыки управления и ваши способности не смогли бы справиться. Я уверен в качестве и успехе завтрашнего и всех последующих мероприятий, шоу и концертов.

Нолан, улыбаясь, поднялся и объединяющим жестом обвел всех присутствующих, после этого добавил:

— Вы же все помните про мою любовь к цифре 24, давайте сделаем так, чтобы завтрашняя цифра, двадцать четвертое июня не была чем-то испорчена.

Вдохновленные заблаговременными благодарностями присутствующие поднялись со своих мест и в знак согласия и поддержки зааплодировали Каску.

С цифрой «24» у Каска действительно были особенные отношения. Поскольку Каск родился 24 июня, то некоторое время своей жизни любил цифру просто за этот факт, но к одиннадцати годам он осознал банальность этой любви. Почти все его приятели, так или иначе, выражали какие-либо положительные чувства к цифрам своих дней рождений. Нолан банальностей не любил и считал их признаком обыденности, а значит, равенства, а равным своим сверстникам он себя не воспринимал.

Решений это вопроса было как минимум два. Можно было бы отказаться от любви к цифре 24 и забыть ее, а можно было найти оправдание существованию цифры 24 в таком важном для нее статусе, как «Цифра Нолана».

Нолан действительно выделялся среди сверстников, да и не сверстников тоже, — он был вундеркиндом и в одиннадцать лет учился не в четвертом классе, как все, а в восьмом. К тому моменту его увлекало изучение многих предметов, но какого-либо предпочтения одной из областей знаний он пока не отдавал. Как-то, листая учебник биохимии из библиотеки отца, врача-офтальмолога, Нолан наткнулся на информацию о том, что в биохимии и генетике «некоторые стероидные гормоны имеют двадцать четыре углеродных атома». Прочитав эту информацию и еще не понимая точно, что

такое стероидные гормоны, но увидев цифру 24, он ухватился за эту первую обнаруженную нить связи между датой своего рождения и науками как таковыми.

Нолан стал намеренно выискивать факты для дальнейшей «реабилитации» заветной цифры и, чуть глубже познакомившись с биохимией и физиологией, он выяснил, что «в контексте микробиомы человека, в определенных условиях может существовать двадцать четыре основных вида бактерий, которые влияют на здоровье и благополучие человеческого организма». Потерев мочки на ушах, а у Нолана была невольная привычка при возбуждении от осознания значимости момента потирать мочки ушей, он ринулся дальше в поиске очевидных только ему, связей цифры 24 в различных научных дисциплинах.

Так, Нолан добрался до учебника микробиологии и обнаружил, что число «24» может иметь значение в контексте роста микроорганизмов.

«Время инкубации для определенных культур бактерий часто составляет двадцать четыре часа, что может влиять на результаты экспериментов и наблюдений», — прочитал Нолан, и тут же следом: «...в тестах, таких как диффузионный метод с использованием агаровой среды, образцы бактерий могут помещаться в чашки Петри с различными антибиотиками, и через двадцать четыре часа можно наблюдать зоны ингибирования, что служит индикатором чувствительности или резистентности бактерий к конкретным веществам».

Это был первый раз, когда будущий успешный ученый, предприниматель, бизнесмен и политик, Нолан Каск прочел словосочетание «чашка Петри». Чашка со странным названием принадлежности какому-то Петру (Нолану вспомнился апостол Петр), упоминавшаяся в статье, через двенадцать лет, разбившись о кафельный пол лаборатории, одним из своих покрытых золотой плесенью осколков известит его, молодого ученого, что он скоро станет знаменит и богат.

Но тогда, двенадцать лет назад, прочитав эти не до конца непонятные слова из учебника микробиологии, Нолан еще не мог знать своего грандиозного будущего, как и не знал, что чашка Петри названа не в честь апостола, а в честь немецкого микробиолога Юлиуса Петри, создавшего эту лабораторную посуду.

Да, тогда юный Каск не думал, что будет великим бизнесменом и ученым, не думал, но... чувствовал. Чувствовал, не понимая точно, что именно. Это была ситуация, когда, прочитав отцовский учебник микробиологии, Нолан сильно тер мочки ушей и внезапно ощутил легкое тепло в области грудины, постепенно заливающее все его средостение.

Тепло это и его распространение было очень приятным, но назвать его лишь приятным было бы крайне недостаточно, поскольку приятность не была его главной характеристикой. Главной характеристикой стала разрастающаяся уверенность Нолана в правильности его пути, как будто тот самый апостол Петр, хоть и не имеющий отношения к назва-

нию чашки, указывал Нолану верное направление его жизни. Это чувство было симптомом начинавшейся настоящей любви к естественным наукам и к микробиологии, в частности.

Появление столь глубокого и преданного чувства к микробиологии сопровождалось еще одним приятным моментом для Нолана: цифра «24» была полностью «реабилитирована» и получила постоянный статус — она стала «Цифрой Нолана».

Двумя годами позже, в четырнадцать лет, Нолана приняли в лабораторию местного университета младшим внештатным лаборантом. С этого момента его отец, а потом и приятели стали дружески называть его Лаборант.

На посту видеонаблюдения находился пятидесятипятилетний сотрудник охраны университета, Билл Ли, которого Нолан и Эстелла хорошо знали. Точнее, хорошо его знала Эстелла, а Нолан знал Билла больше по ее рассказам.

Билл увлекался популярной геронтологией, причем как ее теоретической частью, так и практической, принимая многочисленные БАДы и выполняя всевозможные распорядки, которые, по мнению разных ученых и просто «осведомленных» блогеров, могли продлить жизнь. Теломеры, сенесцентные клетки, геропротекторы, митохондрии, окислительный стресс, аутофагия и многие другие термины были для Билла понятиями знакомыми. Часто можно было видеть его, читающего очередную научно-популярную книгу на эту тему или слушающим подкаст и одновременно следящим за монотонными и однообразными событиями, происходящими на мониторах видеонаблюдения.

Эстелла подшучивала над Биллом, что если вдруг профессор, читающий курс лекций по геронтологии, заболеет и его будет нечем заменить, то Билл вполне сможет с этим справиться. Биллу такие шутки льстили, и он часто вставал из-за рабочего места, когда по коридору мимо большого окна охранного помещения проходила Эстелла, тем самым показывая ей, что он здесь и не прочь минуточку пе-

рекинуться новостями из области контроля над старением. Эстелле импонировал такой подход формально малообразованного человека, но фактически знающего и понимающего в этой теме не меньше хорошего аспиранта. Она останавливалась, когда время позволяло, и разговаривала с Биллом так, как будто это вовсе не охранник, а ее коллега, с которым хочется поделиться последними научными новостями.

Нолан всегда подшучивал над Эстеллой, не понимая, зачем ей эта пустая трата времени на болтовню с охраной, в ответ Эстелла просто предлагала Нолану отказаться от снобизма и эгоизма. Нолан отвечал, что никаким снобизмом здесь и не пахнет, а это просто обычная прагматичность. Эстелла комично принималась, наклоняясь к Нолану, и говорила, что легкий запах эгоцентризма все-таки есть. Нолан закатывал глаза, а Эстелла хохотала.

Теперь же, когда они подошли к посту охраны и увидели встающего навстречу Билла, Нолан кивнул в его сторону и усмехнувшись сказал Эстелле:

— Твой выход.

Эстелла кратко объяснила Биллу суть вопроса:

— Разбился лабораторный препарат, надо понять, как это произошло, поможешь, Билл?

Билл сел напротив монитора и, тихо проговаривая номер лаборатории, быстро нашел файл, в котором открылись три ссылки на онлайн-трансляции с трех камер, расположенных

в помещении лаборатории.

Билл щелкнул по первой ссылке, и на экране отобразилось видео в реальном времени с камеры, смотрящей как раз в тот проход между лабораторными шкафами, где Нолан и Эстелла нашли чашку Петри разбитой. На видео было видно, что посреди пролета что-то лежит на полу. Билл увеличил и приблизил изображение. Осколки чашки лежали на месте, где их, собственно, и оставили Эстелла с Ноланом.

— Вот эта «авария», вас интересует? — иронично спросил Билл.

— Это часть важнейшего эксперимента, — серьезно ответила Эстелла.

Билл хмыкнул и пожал плечами:

— Ну, ладно, сейчас буду отматывать назад, пока не наткнемся на само событие, вы кого-то или что-то подозреваете? — медленно спросил Билл, смотря в монитор и настраивая обратный ход записи.

— Билл, не надо мотать назад! — вскрикнула Эстелла, понимая, что перемотка, прежде чем дойти до события, которое им нужно, обнаружит событие, которое как раз афишировать не хотелось, а именно их с Ноланом любовь на полу лаборатории.

Сказав это, Эстелла незаметно для смотрящего в монитор Билла коснулась руки Нолана, слегка сжав в ладони четыре захваченных ею пальца теперь уже своего любовника.

— Так и как вы предлагаете поступить? — не поворачи-

ваясь, спросил Билл.

— Давай начнем с сегодняшнего утра, с 8—00, мы просто примерно знаем, когда все произошло.

Билл, вновь пожав плечами, щелкнул на таймере видеозаписи цифру 8—00.

Некоторое время картинка была статичной, Билл перещелкнул на запись с камеры, которая смотрела изнутри на входную дверь в лабораторию. Таймер показывал 8—04. Дверь открылась, и в лабораторию зашел Кауфман.

Эстелла и Нолан слегка подались вперед к монитору, Билл увидел их движение:

— Вы что... профессора подозреваете? — удивился Билл.

Тем временем на записи Кауфман подошел к одному из шкафов, открыл дверцу и, включив переносной УФ-излучатель, посветил на стоящие в шкафу чашки.

— Нет... — медленно, не отрывая взгляда от экрана, ответили одновременно Нолан и Эстелла.

— А сделай, пожалуйста, скорость побыстрее, — попросила Эстелла.

Билл щелкнул на символ скорости «x3». Профессор комично «побежал», как и полагается при быстрой перемотке. Комичная ловкость профессора, была на высоком уровне: он «жонглировал» лампой и чашками одновременно, без особого труда и абсолютно без ущерба для оборудования. Потом Кауфман остановился, посмотрел на часы, все так же, на

ускоренной перемотке, быстро засеменял к большому лабораторному столу и положил на него лампу. Постоял и повертелся на месте и двинулся к выходу из лаборатории, открыл дверь и вышел.

Нолан посмотрел на Эстеллу, она хотела что-то сказать, но на мониторе в этот момент открылась дверь, и в лабораторию, «пританцовывая» на той же скорости «х3», вошли они — Эстелла и Нолан.

— Останови, пожалуйста, — вновь обратилась к Биллу Эстелла, охранник щелкнул на «паузу».

— Так, значит, чашка разбилась раньше, и Кауфман просто не знал, что она была разбита, так как он не дошел до нашего ряда, спешил и, как мы видели, вышел, — медленно размышляла Эстелла, а после облегченно вздохнула.

— Но вчера мы уходили с тобой последние из лаборатории, и чашка была целой. Значит, кто-то заходил ночью и... разбил ее... так, что ли? — с сомнением в голосе предположил Нолан.

Билл уже открыл файл «открытия/закрытия» дверей лаборатории.

— Вот, смотрите, вчера вы ушли в 8—42 PM и больше... до 8—04 AM, когда пришел Кауфман, дверь не открывалась. То есть почти с 9 вечера и до 8 утра в лаборатории никого не было. — Билл показывал на строчки в электронном журнале. — И если вы говорите, что вчера вечером с чашкой точно все было в порядке, то... вероятно... это может быть... только...

— Так, в лаборатории нет окон и черного входа, дверь не открывалась, значит, это может быть, — не реагируя на слова Билла, бодро продолжила свои размышления Эстелла, но закончила медленно и неуверенно: — Что... это может быть?

— В лаборатории кто-то был, когда мы уходили вечером. Он прятался, и он-то и разбил чашку, — ровным голосом подытожил Нолан.

— Разбил вашу чашку и потом до утра оставался там же в лаборатории, ведь никто не вышел же из нее, так? А утром, когда зашел Кауфман, спрятался и тоже не вышел, иначе бы мы его видели по камерам, — подхватил Билл.

— И сейчас он до сих пор там, — завершила мысль Эстелла.

Билл моментально включил видео в реальном времени сразу с трех камер и стал вращать их объективами, рассматривая всю лабораторию. Нолан и Эстелла следили за картинкой. Билл с помощью камеры «обошел» всю лабораторию — внутри никого не было.

— Билл, у тебя была версия, ты недоговорил, — напомнила Эстелла.

— Это не я недоговорил, а ты меня прервала. Версия простая и все объясняющая, — Билл выдержал паузу: — Полтергейст.

Нолан хмыкнул, Эстелла улыбнулась.

— А у вас-то самих какие версии? — усмехнулся Билл.

— Включи, пожалуйста, максимально быстрый просмотр с камеры номер два. Начиная со вчерашнего вечера 8—42 РМ, сразу после того, как мы ушли. Будем ловить твой ночной полтергейст, — уверенно попросил Нолан.

Билл кивнул, перешел в файл записи с камеры №2, выбрал дату вчерашнего дня, поставил время 8—40 РМ и после этого включил максимальную скорость «x20».

Последние две минуты их вчерашнего пребывания в лаборатории на скорости «x20» уложились в шесть секунд. За эти секунды их фигуры «метнулись» несколько раз из конца в конец лаборатории и в итоге скрылись за входной дверью. Сразу после этого, движение на экране полностью остановилось. Эстелле даже захотелось сказать Биллу что-то вроде, зачем он выключил «воспроизведение». Но, она тут же поняла, что запись воспроизводится с очень большой скоростью, — в углу монитора цифры, отмеряющие время, стремительно менялись.

Со скоростью просмотра «x20» час реального времени, записанного на видео, пролетал за три минуты просмотра. Билл, Нолан и Эстелла не отрывались от неподвижной картинке, одновременно следя за цифрами в углу экрана. Примерно через двенадцать минут наблюдения, когда в углу монитора отобразилось 00—44, то есть прошло сорок четыре минуты после полуночи, на экране что-то мелькнуло, что-то, чего наблюдающие не смогли рассмотреть, и вот теперь они просто наблюдали открытую дверь шкафа и лежащие на

полу осколки разбитой чашки Петри.

— Стоп! — закричали одновременно Нолан и Эстелла.

— Да что же вы орете так, я и сам вижу, что стоп, — возмутился Билл и уже перематывал изображение назад на обычной скорости.

Через минуту обратной перемотки видео они увидели следующую картинку: осколки чашки Петри поднялись в воздух, в полете собрались в целую, в которую так же вернулось все содержимое, и уже в таком виде чашка встала на полку, при этом дверь шкафа самопроизвольно закрылась.

— Этого не может быть... — растерянно пробормотал Нолан. Он наклонился к столу и взял из рук такого же растерянного Билла мышку.

— Это какой-то артефакт, включи в обычном режиме, — сохраняла хладнокровие Эстелла.

Нолан с надеждой, посмотрел на нее и запустил обычный режим. Но яснее не стало, потому что если при обратной промотке это событие хоть как-то казалось трюком, артефактом, фикцией, то при включенном на обычной скорости последовательном режиме видео выглядело абсолютно необъяснимым и зловещим: на фоне полного спокойствия и тишины в лаборатории стеклянная дверь отворилась, толкаемая изнутри чашкой Петри, которую в свою очередь как будто кто-то щелчком невидимого пальца вытолкнул наружу, и она, чашка, отворив дверь своим весом и приданной ей кем-то или чем-то кинетической энергией, уже в соответствии с

законом силы тяжести по легкой параболе упала на кафельный пол лаборатории и разлетелась на части.

— Ну, я же говорил, полтергейст — он и есть полтергейст, — заключил Билл и вытер рукой со лба капли пота.

Эстелла, Нолан и Билл еще несколько раз пересматривали запись на разных скоростях и приближениях, стараясь понять, что же могло произойти, но каждый раз видели одно и то же: чашка Петри с колонией *Speliocferus* самопроизвольно «выпрыгивала» из шкафа и разбивалась о кафельный пол лаборатории. Объяснить это, кроме как действительно полтергейстом, было невозможно. Нолан попросил Билла уступить ему место в кресле за монитором и начал заново прокручивать эпизод крушения, посекундно останавливая запись, внимательно всматриваясь в экран. Эстелла наблюдала за Биллом и, загадочно улыбнувшись, попросила его сбросить эту запись на флешку. Билл протянул руку:

— Хорошо, давай флешку.

Эстелла сделала разочарованную гримасу и сообщила, что у нее, к сожалению, ее нет, и умоляюще попросила Билла поискать что-нибудь подходящее в комнате охраны. Билл что-то буркнул, качнул головой и пошел к шкафу, стоящему в другом конце комнаты. Эстелла слегка толкнула в бок увлеченного записью Нолана. Тот поднял недоумевающий взгляд на нее. Она поняла, что пока будет пытаться объяснить Нолану, Билл уже вернется. Поэтому быстро подвинула Нолана и одновременно взяла в руки мышь, кинула взгляд на Билла,

который рылся в ящиках офисного шкафа, за пять секунд нашла и удалила запись компрометирующего их с Ноланом эпизода любви.

— Хотя бы с этим разобрались, — шепнула она Нолану, улыбнувшись и подмигнув.

Нолан посмотрел сквозь Эстеллу, взял мышку и вновь переключился на изучение видео с камеры №2 с загадкой с крушения их чашки Петри.

Королем мировой энергии Каска стали называть около восьми лет назад. Примерно к сорока шести годам он справился с невероятной задачей и успешно запустил космическую программу по квантовой агрегации солнечной энергии. Сделав это, он вырвался на недостижимые остальному бизнесу высоты.

К моменту появления у него этой идеи, «квантовой агрегации солнечной энергии» ему было тридцать семь лет, он уже был мультимиллиардером, обладателем двух Нобелевских премий, человеком с репутацией которому удастся все.

Несмотря на такой авторитет, идея «квантовой агрегации» для компетентной аудитории казалась нереальной. Да, можно быть бесконечно удачливым и смелым, но всему есть предел, и невозможно сделать то, что действительно сделать невозможно.

Но если бы этот компетентный мир помнил, что абсурдностью обладала и идея Каска вырастить бактерии *Speliocferus Universalis Modificatio*, то, вероятно, и к идее «квантовой агрегации солнечной энергии» отношение было бы более серьезным.

Ведь тогда, много лет назад, именно он, Каск, вопреки всем (кроме Эстеллы) воплотил эксперимент в жизнь, получил Нобелевскую премию и, доведя свою идею до совер-

шенства, продал разработку одной из крупнейших на тот момент биотехнологических компаний мира за два миллиарда долларов. А через семь лет после продажи Speliocferus Universalis Modificatio Каск разработал лекарство против дегенеративных возрастных изменений мозга, чем и предоставил людям возможность стареть без угрозы деменции. Мир, в очередной раз рукоплескал Нолану, вручая ему вторую Нобелевскую премию.

К тридцати годам Каск стал владельцем-контрольным пакета акций, искусственного канала в Египте, соединяющего Средиземное и Красное моря, этот канал был успешной альтернативой Суэцкому. К тридцати четырем он купил ту биотехнологическую корпорацию, которая приобрела у него SUM. И через год после этой сделки Каск стал одним из самых богатых людей мира, а еще через два — самым богатым человеком на Земле, с состоянием в девятьсот миллиардов долларов.

Сразу после получения статуса самого богатого человека мира, Каск представил миру новую «абсурдную» идею: «концепцию квантовой гиперагрегации солнечной энергии».

До этого момента человечество уже умело концентрировать солнце и делало это при помощи обычных солнечных панелей. Бизнес, которым занимались многие компании в мире, самой крупной из их числа, впрочем, была одна из компаний Каска, производившая около сорока пяти процентов всех солнечных панелей мира.

Каск разработал концепцию, которая должна была, в случае ее успешной реализации, изменить представление мира об агрегации солнечной энергии и об основных источниках энергии для нужд человечества.

Суть ее заключалась в использовании спутников, размещенных на Венере, через которые поток солнечных квантов подвергался бы первичной концентрации. Этот сосредоточенный поток затем перенаправлялся бы на лунные конденс-базы, где «упаковывался» в фотонные «брикеты». Эта сверхконцентрированная сила солнца и должна была в итоге предоставлять чистый и практически неисчерпаемый источник энергии для человечества.

Когда Каск, вопреки советникам, предупреждающим его о возможности полного банкротства на пути к реализации этой идеи, все-таки объявил о запуске программы «Квантовая Агрегация Солнечной Энергии по Каску» (КАСЭК), мир отреагировал множеством саркастичных комментариев начиная от крупнейших новостных каналов и заканчивая самым последним блогером, самой захудалой провинции на планете.

Впрочем, нашлось несколько журналистов, которые поверили Каску, и один из них даже предложил миру вспомнить Шопенгауэра: «Талант попадает в цель, в которую никто не может попасть, гений же попадает в цель, которую никто не видит». Этим журналистом был некий британец по имени Трой Колсон, который позже назовет Новую Португалию

«Новый Новый Свет» и будет замечен Каском.

И Каск, подтверждая статус своей гениальности, в полном соответствии со словами философа попал в эту «невидимую цель».

Начал он с того, что полностью выкупил видимую поверхность Луны. Международное право относительно Луны не существовало, и Нолану пришлось его создать.

Нолан поставил этот вопрос в ООН и предложил простую и понятную схему: площадь видимой поверхности Луны делится между существующими странами пропорционально площади, которую занимает каждое из государств.

В ООН посмеялись и вскоре единогласно приняли «Закон Каска о Луне» и тут же продали Нолану видимую ее часть за тридцать три миллиарда. Пытались продать и невидимую часть, но Нолан, поначалу сказав «кому она нужна», все-таки купил ее исключительно «на всякий случай», заплатив за темную, бесполезную сторону еще десять процентов.

Примерно в этот же момент Каск стал владельцем крупнейшего искусственного интеллекта мира, скупив восемьдесят процентов самых развитых ИИ за сумму, ориентировочно равную стоимости лунной сделки: тридцать три миллиарда восемьсот миллионов долларов; потом он собрал их мощности и поставил «Первый Объединенный Интеллект Каска» (ПОИК) на службу своему проекту «КАСЭК».

Далее он приступил к основной части своего плана, гораздо более затратной: около 180 миллиардов и семь лет ушло

на строительство системы спутников, предназначенных для размещения на Венере и, собственно, для первичной квантовой агрегации. Более трехсот сорока миллиардов ушло на создание фотонных батарей-брикетов (ФББ), монтаж их на Луне, бонусом входил в стоимость.

Потратив около девяноста процентов состояния на создание инфраструктуры «КАСЭК», Нолан ни на минуту не усомнился в верности своего движения. Когда-то пришедшее к нему «солнечное озарение» его не покидало.

Для транспортировки спутников на Венеру был впервые применен не химический двигатель, а ядерный. Хотя изначально обещанной «десятой» скорости — это значило 0,1% от «с» — получись и не удалось, но и достигнутой «сотой» скорости в 0,01% от «с» вполне было достаточно, чтобы быстро перемещаться в солнечной системе.

От Земли до Венеры по ближайшей орбитальной позиции около тридцати восьми миллионов километров, которые ракета-носитель на «сотой» скорости преодолела за четырнадцать с половиной земных суток и в итоге вывела на орбиту «Богини Любви» достаточное для проекта «КАСЭК», количество спутников; они вращались вокруг Венеры над ее супер плотной атмосферой из серной кислоты.

В итоге через восемь лет и три месяца после объявления запуска проекта вокруг Венеры крутилось двадцать четыре специализированных спутника, снимая новую золотую пле-

сень, конденсируя ее и отправляя на восемь спутников, вращающихся вокруг Луны. На них кванты фотонов подвергались многократной агрегации и отправлялись непосредственно на Луну, где, еще раз квантизируясь, «упаковывались» в ФББ и уже по необходимости транспортировались на Землю в одну из трехсот батарейных баз-хранилищ.

Самым ярким насмешникам этой идеи Каска теперь было не до смеха. Весь мир зачарованно смотрел на еще один запредельный успех и стал называть его Королем мировой энергии.

Чтобы перевести мир на новый источник энергии, Нолан выкупил все крупнейшие месторождения углеводородов и урана у ведущих стран-добытчиков: США, Саудовской Аравии, России, Китая, ОАЭ, Ирака, Кувейта, Бразилии, Норвегии — и еще у десятка—двух уже незначительных добытчиков.

Точнее будет сказать — это не было выкупом земли в том смысле, как принято понимать, это была сделка на следующих условиях: страны-участники ОПЕК, а также США (\pm Са), Россия и еще десяток стран, не входящих в ОПЕК, по соглашению, заключенному с Каском, обязывались не добывать углеводороды и уран и должны были законсервировать разработанные месторождения.

Взамен Каск авансировал каждое государство на сумму неполученных доходов от продажи углеводородов и сверх этого дополнительно обеспечивал всю энергетическую по-

требность той или иной страны.

К тому моменту, как Нолан дожил до пятидесяти четырех лет, мир пользовался его энергией уже восемь лет. А Каск в течение первого же года действия программы не только окупил вложения, но и достиг оценки своего бизнеса более чем в три триллиона долларов.

Если раньше многие ненавидели Каска просто за тот факт, что он был мультимиллиардером и эксцентриком, то после известия о том, что Каск стал мультитриллионером, неприязнь к Нолану рухнула и сменилась любовью, под влиянием материалистической диалектики, выразившейся в данном случае в «законе перехода количество в качество».

Нолан стал любимчиком всей планеты. В глазах граждан планеты Земля он стал первым «космонавтом» в сфере бизнеса. Каск первым оторвался от поверхности «планеты предпринимателей и бизнесменов». Раньше, до проекта «КАС-ЭК», Нолан был самым богатым человеком мира, но рядом с ним всегда находились конкуренты, которые могли в любой момент его обогнать.

Теперь же Каск, преодолев условные «стратосферу и экзосферу» бизнеса, вышел в «бизнес-космос». И так же, как когда-то мир полюбил русского космонавта Юрия Гагарина, первого человека, вышедшего за пределы земного притяжения, так и сейчас мир мгновенно полюбил Нолана Каска, первого человека, вышедшего в «бизнес-космос», преодолев притяжение другого рода: обыденности, косности мышления

и страха сомнений.

Всю следующую ночь Нолан и Эстелла не спали. Для этого было две причины, первая и основная: внезапная и ошеломительная любовь, которая вперемешку со страстью не давала им тратить время на такую «чепуху» как сон. Вторая причина, как и первая, была из разряда мистических событий. Заключалась она в полтергейсте, который произошел с их чашкой Петри. Другого слова, кроме как «полтергейст», произнесенного Биллом, они подобрать не смогли.

Новоиспеченные любовники лежали на кровати Эстеллы в ее небольшой студии и после очередного экстаза от обладания друг другом, тратили промежутки времени, который был необходим их телам для восстановления, на обсуждение этих двух важных событий.

— Разве мало примеров, когда друзья становятся любовниками? — спросил Нолан Эстеллу, лежащую на его плече после того, как она усомнилась, что переход их дружбы в разряд любовных отношений положительное событие.

— Знаешь, — отозвалась она, — превращение дружбы в любовные, романтические отношения — это что-то сродни инцесту, понятно, что не инцест, но что-то в этом есть, не думаешь? Ну как это вдруг взять и начать друзьям спать с другом?

Эстелла развивала мысль, говоря, что сексуальные отно-

шения между родственниками настолько неприемлемы сегодняшним обществом, что случись сейчас революционные открытия в генетике, которые бы отменили проблему физического уродства потомства при инцесте, общество все равно, вряд ли бы приняло инцест за норму, и теперь уже исключительно по сложившимся морально-этическим традициям, отменить которые не смогло бы никакое чудесное открытие в генетике.

Нолан внимательно слушал ее, ему нравилось, как звучал ее голос. Он приподнялся, чтобы рассмотреть ее лицо, как будто никогда прежде ее не видел, и улыбнулся.

— Ну и что же ты улыбаешься? Ты хоть слышал, что я сказала? — отреагировала Эстелла на блуждающую улыбку Нолана.

— Слушал, конечно, продолжай, ты не довела свою мысль до конца. Про инцест и... обусловленность поколений и... что-то там еще. «Ну а причем здесь дружба?» — спросил Нолан.

— Как причем? Настоящая дружба — это и есть фактически родственная связь! — с горячей убежденностью почти выкрикнула Эстелла и потом уже тихо продолжила: — Только вот непонятно, как я сама могла нарушить свое же табу?

— А у тебя, что, было табу?

— Всегда смотрела на тебя, как на друга. Иногда я думала, что ты тоже мужчина, но мысли эти отбрасывала... да, на-

верно, это и было табу и это сейчас очень странно, поскольку я не чувствую каких-либо угрызений совести, и более того фактически я очень счастлива.

— Спасибо, что хоть дифференцировала мой пол верно, — засмеялся Нолан.

Эстелла улыбнулась. Нолан продолжил:

— Знаешь, а я всегда восхищался твоей красотой и умом, но говорил себе, что если дать волю своим накапливающимся к тебе чувствам, то это как-то может повлиять на нашу продуктивность в работе и нарушит баланс.

Нолана задумался и посмотрел на Эстеллу, она ждала продолжения мысли, и он не стал заставлять ее ждать:

— А сегодня, ну, то есть уже вчера, произошло следующее... Как только мы увидели «золото» на осколке, мы, вероятно, неосознанно поняли, что завершили огромную работу, и позволили накопившейся страсти взять верх, думаю, что так оно и было...

Эстелла, села в постели, поджав ноги по-турецки, ее золотые, длинные кудри рассыпались по плечам и груди.

— И что же теперь, наши дела в науке пойдут на спад? Что-то вроде: за все надо платить?

Нолан посмотрел на Эстеллу, взял ее за руку и притянул к себе. Она легла рядом, прижалась к нему и замерла.

— Как мне кажется сейчас, вот прямо сейчас, лежа с тобой, они станут еще лучше, это же ведь любовь. Да?.. Похоже да, ну... а там посмотрим, — заключил Нолан.

Он не видел лица Эстеллы, он услышал, что она заплакала, тихо и почти беззвучно. Можно сказать, что он услышал звук ее слез, скатывающихся по щекам. Нолан приподнялся и посмотрел на нее. Слезы текли по ее красивому лицу. Эстелла под взглядом Нолана улыбнулась и быстрыми движениями стала вытирать щеки, стесняясь своих чрезмерных чувств.

Нолан тоже улыбался и, помогая Эстелле мокрые дорожки, тихо и нежно сказал:

— Твои слезы сквозь улыбку счастья прекрасны и похожи на летний дождик на фоне безоблачного неба».

«Летний дождик» Эстеллы, как и грибной дождь быстро прекратился.

— Какая же ты красивая, — восхитился Нолан так, будто только сейчас заметил, как она прекрасна. Нолан удивился своим мыслям, ведь он действительно только сейчас понял, что Эстелла по-настоящему красива. Отмечая про себя эту странность в восприятии внешности Эстеллы, Нолан притянул ее лицо к себе и поцеловал в губы.

Эстелла закрыла глаза и со вздохом отдалась поцелую. В этот раз их соитие было более осмысленным, чем предыдущие два, когда уровень страсти превышал уровень любви. Теперь же пылкое чувство, немного успокоившись, отдало больше места нежности. Их близость была осознанной, каждое движение Нолана и ответное Эстеллы, медленное или

чуть более быстрое, отражалось обоюдным проявлением такого уровня удовольствия, которое уже и вовсе не походило на то чувство наслаждения от неистовости первых раз. Теперь же оно называлось тем самым банальным словосочетанием, которое так часто употребляют не по делу: «неземное удовольствие». Нолан был прав, это настоящая любовь. А «неземное удовольствие» — признаком, это подтверждающим.

Когда движения любовного акта закончилось, они замерли, но еще оставаясь вместе, лежали, крепко обнявшись, настолько крепко, что в любой другой момент это могло бы быть где-то даже болезненным, но сейчас никакой боли или дискомфорта они не чувствовали, потому что на кровати лежало не два человека, а один.

И у него, и у нее было именно такое ощущение: спрессовавшись в один организм, они были обезличены, у них не было имен, не было возраста, и лежали не мужчина и женщина, а одно существо, без пола, расы, гражданства, веры и прочих внешних атрибутов. Любовь нашла их и дала почувствовать то, чего раньше ни он, ни она не ощущали и даже не знали, что такое может быть, — полное отсутствие принадлежности не то, что к социуму, но даже к своему телу и своему разуму.

Постепенно они возвращались в свои тела, и их разум по отдельности вернулся к мыслям. Объятия медленно ослабли, и они постепенно разъединились, отпуская друг друга, в

«свободное плавание», но пока что в пределах этой постели — покидать ее никто не спешил.

Некоторое время они лежали молча. Первым заговорил Нолан:

— Это бактерии, — он повернул голову к Эстелле.

— Что бактерии? — чуть слышно спросила Эстелла, слегка приоткрыв глаза.

— Это бактерии опрокинули нашу чашку.

Эстелла широко распахнула глаза:

— Что?

— Это бактерии в своей бактериальной вселенной додумались, что мы их используем, и каким-то образом, раскачав чашку, обрушили ее, специально, чтобы прервать наш эксперимент, — абсолютно серьезно объяснил свою теорию Нолан.

Эстелла засмеялась и поцеловала Нолана в лоб, как мать целует маленького ребенка, говорящего веселые глупости. Она села в постели и, все еще улыбаясь, посмотрела на любимого, который теперь заложив обе руки за голову, воспринимал ее смех абсолютно безучастно.

Эстелле было очевидно, что его серьезность наигранна, что его взгляды ученого, атеиста и материалиста не оставляли никакой возможности, чтобы сказанное им было серьезно, а раз так, то, конечно, нужно продолжать шутку. Да и даже если Нолан сошел с ума и сказал это всерьез, вариантов не шутить не было.

— Понятно, тогда, вот интересно, а кто среди этих бактерий, опрокинувших нашу чашку, был предводителем... надо бы эту бактерию найти и спросить за причиненный ущерб, — начала шутить Эстелла, думая, что Нолан сейчас подхватит эстафету и они разовьют дурачество до абсурда и хорошо посмеются.

Но Нолан молчал и лишь криво улыбнулся.

— Ну ты серьезно, что ли? Видел бы ты себя.

Нолан продолжал молчать и смотреть на Эстеллу. Она некоторое время отвечала ему внимательным взглядом, потом засмеялась во весь голос и выпалила на одном дыхании:

— И сейчас наши «золотые» бактерии ползают по лаборатории и вот-вот размножатся до такой массы, что каким-то только им понятным образом откроют дверь в коридор — а то, что они это умеют, мы с тобой уже не сомневаемся, — и нападут на Билла, возьмут его в заложники, а потом и весь университет. В итоге бактерии вообще захватят мир! — сквозь хохот с трудом закончила Эстелла.

Ей стало очень смешно, и она не могла удержаться, хохотала во весь голос. Нолан, стараясь быть серьезным, все-таки слегка улыбнулся и тем самым выдал себя. Эстелла, увидев его улыбку, закричала, показывая на него указательным пальцем:

— Надо немедленно звонить Биллу! Надо его предупредить! Надо же что-то делать?!

Эстелла умирала от смеха, каталась по постели. Нолан

смеялся вместе с ней, но через некоторое время остановился и сделал попытку встать с кровати.

Эстелла, еще с гримасой смеха на лице, выгнулась и выбросила в его сторону руку, обвинив длинными пальцами его локоть, потянула на себя и, помогая второй рукой, опрокинула Нолана назад так, что его голова упала затылком на ее живот.

— Куда собрался? — Она попыталась добавить строгости в голос и продолжила: — Ты теперь мой, и не надо с этим шутить!

Нолан не отвечал, он лежал неподвижно на ее животе и смотрел вверх. Эстелла расслабила живот так, что лежащий на нем затылок Нолана опустился, и тут же напрягла пресс, так резко, что голова Нолана подскочила вверх.

— Ты что, игнорируешь мои вопросы? — наигранно грозно спросила она и увидела, как профиль возлюбленного озарился улыбкой.

В этот же момент Нолан резко перевернулся на сто восемьдесят градусов, лицом к ее животу, обхватил ее тело поперек обеими руками и впился поцелуем в область пупка. Эстелла завизжала от внезапности и постаралась вырваться, но Нолан держал ее очень крепко и продолжал щекотать, целуя и прикусывая ее живот.

Эстелла дергала ногами в воздухе, била руками по постели и, заливаясь смехом до хрипоты, молила о пощаде. Нолан прекратил ее щекотать, но целовать не перестал, — он, опус-

кался все ниже и ниже по изгибу ее живота, пока не добрался до того места, прикосновение к которому сменило хриплость смешков на глубокие вздохи наслаждения, и через какое-то относительно короткое время им вновь представилась возможность «лишиться» своих тел и разума.

С момента событий, произошедших в лаборатории, когда Нолан и Эстелла обнаружили «золотую плесень» на осколке чашке Петри, и до момента получения премии прошло два года, которые были потрачены на серию повторных доказательных экспериментов, проведение регламентированных лабораторных испытаний, последовавших за этим испытаний на животных и потом на людях-добровольцах.

Этот ранний и огромный профессиональный успех в жизни Нолана, вспоминался ему всегда вместе с зарождением очень сильного чувства к Эстелле. Он думал, что оно возникло, опираясь на три фактора: дружба, страсть к науке и юмор, — и не покидало его в течение всей жизни. Трансформировалось, но не покидало.

Дружба Нолана и Эстеллы, поначалу лишенная намеков на романтику и полностью сосредоточенная на совместных исследованиях, представляла собой увлекательный путь, на котором два человека, погружаясь в мир науки, неосознанно прокладывали дорогу к внутренним открытиям.

С каждым новым открытием, исследованием или простым разговором их связь становилась все более прочной. Они углублялись в свои научные интересы, однако за внешней серьезностью прятались формирующиеся чувства, которые, как бы оставались в тени, иногда можно было бы сказать —

намеренно не замечаемыми. Это было время, когда они оттачивали понимание друг друга, прежде чем позволить себе осознать, что это больше, чем просто дружба.

Каждый новое преодоление трудностей на пути к успеху с колонией *Speliocferus* и каждая успешная находка укрепляли их связь, как будто невидимые нити плели новую частичку более сложной ткани их отношений. Эти нити постепенно затягивались, создавая не только основу для будущей любви, но и добавляя глубину их взаимопониманию.

Страсть к науке была вторым фактором возникновения их чувства.

Их отношение к микробиологии было отношением почти что религиозного свойства, — истовым и не нуждающимся в доказательствах. Наука поглощала их и превращала в фанатиков, готовых умереть за свою «религию». Тот самый радикальный подход к их эксперименту, над которым посмеивался Кауфман, был их совместным «детисцем».

Они изобрели его, играя в научный «пинг-понг» двух «сумасшедших» экспериментаторов, сидя в университетской столовой и начав перебрасываться незначительными соображениями о предстоящем исследовании, довели эти соображения до абсурда, «возвели в степень» и получили, не выходя из той же столовой, в качестве итога, — три десятка исписанных салфеток и настойчивое требование менеджера столовой покинуть зал по причине его закрытия.

И третий фактор — это юмор, скрепляющий своей силой «застывающего цемента» первые два фактора.

Нолан, с его саркастичным юмором, мог с легкостью обсуждать сложные научные концепции, приправляя их иронией и порой достаточно злым сарказмом. Например, намекая на необщительность коллег по лаборатории, он мог сказать Эстелле, что их исследуемые колонии микробов гораздо более контактные, чем большинство здешних лаборантов.

— От наших *Speliocferus* мы регулярно получаем новую информацию, а от наших коллег порой только вымученные улыбки.

Эстелла, тоже любила пошутить. Как-то она в конце дня, чтобы сбросить напряжение, шуточно предположила, что, вероятно, бактерии «радуются», увидев у себя в чашке Петри радугу от линзы микроскопа, как мы, люди, радуемся радуге на небе.

Нолан ответил, что вполне возможно людям лучше здесь не радоваться, а озаботиться, — уж не является ли радуга на небе, признаком что, кто-то свыше рассматривает нас в ходе уже своего, неведомого нам, эксперимента.

Так или иначе у Нолана и Эстеллы всегда было так: один из них начинал шутку, а другой ее подхватывал, развивал и передавал пас назад, и так они могли пасовать некоторое время, пока не снимали напряжение хорошей порцией смеха.

Таким образом, их сотрудничество в микробиологии не

только способствовало научным достижениям, но и создавало уникальную динамику юмора и дружбы. Они превращали сложные научные задачи в забавные приключения, где каждый новый эксперимент был не просто шагом к научному открытию, но и возможностью хорошо пошутить и посмеяться. В их мире микробов и шуток знание и смех шли рука об руку, что делало работу увлекательной и вдохновляющей.

Часто они спорили, любили полемику и могли провести весь обеденный перерыв за обсуждением какой-нибудь темы. К примеру, как-то между ними разгорелся спор на тему того же юмора, после очередной удачной совместной шутки. Нолан сказал, что не понимает, как живут люди, лишенные этого восхитительного чувства.

Эстелла ответила, что не существует людей, лишенных чувства юмора, как и не существует людей, лишенных чувства вкуса. По ее мнению, существует субъективное превосходство людей, якобы имеющих чувство юмора, над людьми, которые, по их мнению, такого чувства не имеют.

Эстелла называла это «снобизм юмориста», подразумевая, что личности, имеющие так называемое острое чувство юмора, относились свысока к тем, кто не понимал эту «остроту», считая таких не только лишенными чувства юмора, но и даже глуповатыми. Эстелла же полагала, что на самом деле эти не смеющиеся шуткам остряков люди просто-напросто имели другую, не похожую на их разновидность чувство юмора. Эстелла говорила, что «снобизм юмо-

риста» можно сравнить с «нарциссизмом культуриста», который, красуясь своей мускулатурой перед зеркалом в тренажерном зале, так или иначе относится к людям, не имеющим такой мышечной массы, свысока, и даже если не показывает это явно, обязательно выкажет свое мнимое превосходство той или иной мыслью, заметкой, иронией в более узком кругу.

То же самое Эстелла относила и к чувству вкуса. Люди, имеющие вкус, относились с превосходством по отношению к людям, по их мнению, таким вкусом не обладающим. Хотя, полагала Эстелла, было очевидно, что те, кто вроде не имел вкуса, просто имели другое, отличное от первых чувство прекрасного.

Нолан же отстаивал другую точку зрения: он относил и себя, и Эстеллу к людям, имеющим и то, и другое: и острый юмор, и вкус к прекрасному. Он говорил, что это же очевидно, что есть люди с чувством юмора и люди без такового чувства, иначе как можно было бы тогда дать определение разницы между такими людьми в сфере этого аспекта? А ведь это важно для определения позиции того или иного человека на градуированной шкале сравнений.

— Шкала сравнений? Нолан, ты серьезно? Шкала сравнений — это не что иное, как шкала тщеславия, а разве мы с тобой не осуждаем тщеславие? — эмоционально отвечала Эстелла.

Нолан тогда посмеивался, ему нравилась эта полемика, и

он очень хорошо понимал Эстеллу и ее логику и даже был готов в какой-то другой момент доказывать другому человеку с такой же горячностью позицию, которую сейчас занимала Эстелла. А Эстелла, увлекшись спором, с жаром принималась доказывать посмеивающемуся над ней Нолану свою позицию.

— Хорошо, возьми хотя бы китч в искусстве — это явление, которое воспринимается как низкопробное, банальное ассоциирующееся с массовой культурой, которое, кстати, возникло, как реакция на так называемое высокое искусство, приверженцы которого, как ты, осмеивали тех, кто его не понимал. Китч в искусстве не только отразил демократизацию вкусов, но и поставил под сомнение традиционные представления о «высоком» и «низком» искусстве, открыл, так сказать, новые диалоги о ценности и эстетике. И, в частности, Уорхолл, к примеру, использовал китч, чтобы заявить о новом, на самом деле не отраженном в искусстве ранее, споре на массовую, потребительскую культуру.

Нолан парировал:

— Ну ты сильна! Окей, давай так, согласен, китч — это низкопробное искусство, в ответ высокому, все верно, но как только китч признали искусством, он тут же и сам стал высоким. И твой Уорхолл — этому только подтверждение. Посмотри на его ценник? И кстати, еще одно доказательство того, что существует только высокое искусство и никакого другого просто нет: спроси любого невежду из так называе-

мого массового сектора потребления, что такое китч, думаешь, многие дадут определение тому, что изначально предназначалось для их потребления? Единицы, и то случайно. Не существует никакого второсортного искусства или другого чувства юмора, как только рождается искусство, оно сразу становится высоким, или, можно сказать, просто искусством, другого не бывает. До его рождения это просто зародыш, ничего не понимающий и не умеющий, и поэтому права называться искусством не имеющий. Художник, понимающий, что его полотно отвратительно или как минимум не представляет интереса, смывает с него краски и начинает заново. Художник, если он, конечно, художник с большой буквы, прерывает жизнь своего «зародыша искусства», не признавая за ним прав на полноценную жизнь в мире. А поскольку взгляд пусть даже большого художника всегда субъективен, то мир не застрахован от неправильных «абортов», от вредных прерываний «художественной беременности» не по медицинским показаниям. Но в сфере искусства, где находится то медицинское учреждение, способное выдать такое заключение?

Вот и приходится творцу мучиться в собственных сомнениях о своем полотне, изваянии, тексте, музыке и так далее, и вот, собственно, эти муки, их уровень и являются тем мериллом качества в искусстве.

Так или иначе, Нолан и Эстелла вне зависимости от их взглядов на разные философические нюансы, касающиеся

существующего мироустройства, понимали и соглашались, что их юмор и вкус был настолько одинаков, что они, возможно, назвали бы их конгруэнтными, если бы сферой их научных изысканий была математика с геометрией. Их юмор настолько удачно пронизывал их жизнь, что был не только скрепляющим, но и одновременно образующим первый фактор — дружбу — и формирующий уместную абсурдность во втором факторе — в самой науке.

Никто в мире не застрахован от манящих наживок любви и уж тем более никто не в силах сопротивляться такой наживке, которую случилось заглотить Эстелле и Нолану: страсть к общему делу, преданная дружба и одинаковый юмор. Этого было достаточно, чтобы понимающему взгляду со стороны, если таковой можно представить, сразу становилось понятно: «живыми» из этой ситуации не выбраться никому.

Зену было полных семнадцать лет, и в сентябре он планировал отпраздновать свое восемнадцатилетие. Это был привлекательный юноша, с темно-русыми кудрями и тонкими чертами лица.

Внешне Зен был похож на своего отца, бывшего губернатора Техаса, пятидесяти пятилетнего Джейсона Ди Гормана, проигравшего битву за пост президента США±СА Лиоре Стрейс. Ди Горман уже успел поменять юношеские кудри на прагматичную стрижку политика под названием «меридиан», и тело его было не худощавым, как у сына, а имело спортивно-плотное сложение, как выразился в ходе предвыборной кампании один из журналистов, сторонников Лиоры.

Отец и сын зашли в свои апартаменты в сопровождении помощника Леона и двух портье с багажом. Леон, молодой человек тридцати двух лет, полноватый, сосредоточенный и трудолюбивый, сразу ушел с портье, несущими чемоданы, куда-то вглубь апартаментов.

Зен прошел в гостиную, кинул легкую дорожную сумку на один из двух огромных диванов, стоящих по центру комнаты, и упал следом за ней, показывая хорошее настроение, веселый настрой и удовлетворение от того, что они на месте. Он ждал приключения.

Ди Горман сел рядом с Зеном, откинулся на спинку дивана.

на и по-отцовски приобняв сына, притянул его к себе. Зен улыбнулся. Они были близки, и каждый по-своему, но оба очень высоко оценивали эту дружбу.

— Что это? — спросил Ди Горман, потянувшись к журнальному столику, и взял в руки, лежащий на нем черный бархатный мешочек с золотой завязкой и золотым вензелем из букв «НК».

Он достал из мешочка увесистый предмет, размерами и формой напоминающий обычный пульт для управления автоматическими воротами или шлагбаумом. Только этот «пульт» был сделан из белого и желтого золота с двумя кнопками из зеленого изумруда и красного рубина, красиво мерцающими на корпусе.

Джейсон покрутил устройство в руках, понажимал на кнопки и осмотрелся вокруг, не изменилось ли чего. Но нет, все оставалось на месте, и от нажатия кнопок никакого видимого движения не произошло.

— Может это пульт от какого ни будь гаража здесь, в котором стоит красивый спортивный автомобиль? — ухмыльнулся Зен. Джейсон передал пульт Зену.

Зен, повертев устройство, взял черный с вензелем мешочек и, открыв его пошире, обнаружил там записку-инструкцию.

— Уважаемый мистер Ди Горман, — громко стал читать Зен, — Убедительная просьба взять данный пульт с собой на арену в день начала торжеств, а именно 24 июня. Он понадо-

бится вам и вашей семье для интерактивной игры и других важных мероприятий.

Джейсон поднялся навстречу Леону, вошедшему в гостиную, а Зен продолжал читать:

— В случае отсутствия у вас пульта или в случае его утраты, ни вы, ни ваша семья не будут допущены на мероприятия торжества. С уважением, Нолан Каск.

Зен прищурился в недоумении и посмотрел на отца. Джейсон развернулся и усмехнувшись спросил:

— Прикалываешься, Зен? Там так и написано?

Зен встал и принес записку отцу.

— Да, что это такое, мать его, — ругнулся Ди Горман, прочитав текст, и тут же осекся, посмотрев на сына.

— Мистер Горман, это похоже на какой-то розыгрыш, скорее всего... — Леон не успел договорить мысль, как зазвонил стационарный телефон.

Все трое одновременно посмотрели на аппарат в стиле ретро, стоявший на высоком круглом столике около диванов. Леон подошел к нему и снял трубку:

— Апартаменты господина Ди Гормана.

Через пару секунд он посмотрел на Джейсона и сказал:

— Госпожа Стрейс.

Джейсон взял трубку и, инстинктивно приосанившись, тут же увидел, как Зен иронично улыбнулся.

Ди Горман цокнул языком и качнул головой, пытаясь по-

казать, что осанка никак не связана с предстоящим разговором. Зен лишь иронично улыбнулся.

Уже на протяжении почти трех месяцев Зен слышал от отца про его планы на новую жизнь, не связанную с политической деятельностью, и при каждом удобном случае подкалывал отца, выражая сомнения, что тот навсегда отрекся от политики.

Джейсон приложил трубку к уху, подмигнул Зену и отвернулся к окну:

— Лиора! Рад тебя слышать.

Некоторое время он слушал, потом ответил:

— Я, собственно, собирался сделать то же самое.

И затем последовали его краткие реакции собеседнице:

— Ну что же, прекрасно, давай вдвоем.

— Через полчаса?

— Договорились.

Зен сидел на диване и рассматривал рекламный буклет, который он нашел тут же на стойке и услышав, что отец закончил беседу, поднял на него вопросительный взгляд. Ди Горман распорядился:

— Леон, подготовь, пожалуйста, форму для пробежки. — А затем обратился к Зену: — Лиора пригласила в парк. Пойду.

Зен усмехнулся и, откинув буклет в сторону, встал и подошел к отцу:

— Прекрасно, тогда я, с твоего позволения, отправлюсь

на разведку окрестностей Фару.

Джейсон положил руку на плечо Зену:

— Секунду, дружок, у меня для тебя сюрприз! — и посмотрел на Леона.

Помощник достал из внутреннего кармана пиджака красный, немного пухлый, глянцевый конверт с черной эмблемой в верхнем левом углу и протянул Ди Горману, а тот немедленно передал его сыну. Зен, понимая по изображению эмблемы на конверте, что там внутри, счастливый, обнял отца:

— Спасибо, пап!

Лиора разминалась перед ежедневным десятикилометровым кроссом. Такие почти регулярные пробежки не были для нее спортивной обязанностью, это были тренировки, от которых Лиора давно научилась получать удовольствие. Чтобы сбросить накопленный за сутки стресс и вернуть разуму ясность. Медитативность бега стала необходимостью, можно сказать, что она была зависима от гормонов, которые вырабатывались организмом в процессе такой нагрузки и, собственно, давали тот терапевтический эффект, следствием которого и становились бодрость, запас энергии и трезвость мышления.

Три часа назад она приземлилась в аэропорту Нолана Каска, ее с семьей у трапа встретил премьер Новой Португалии с «Миской Изобилия» и приветственной речью. Лиора ожидала увидеть Нолана, но его посыльный, как Лиора про себя называла Риккардо Калдаша, извинился, сославшись на необходимость присутствия господина Каска на финальных этапах организации торжеств.

Разместившись в выделенном ей крыле последнего этажа одного из двадцати четырех зданий, вместе с детьми, их няней, пяти охранников, трех помощников и начальника службы безопасности президента (СБП), Лиора вновь ощутила тревогу, которую испытывала в полете и которая следовала,

усиливаясь, повсюду вместе с ней последние два месяца. Она подумала, что бег должен снять беспокойство.

Перед тем как выйти на пробежку, Лиора выслушала Аву. Она просила позволить им с детьми прогуляться по столице Новой Португалии, Фаре. Лиора в первую секунду хотела запретить, возможно, опасную, по ее мнению, прогулку, но выражение лица Авы и стоящих рядом детей, почему-то разжалобили ее, и она согласилась, приставив к ним двух охранников.

И теперь вот она находилась на открытой спортивной площадке и, закинув ногу на шведскую стенку, старалась максимально растянуть бицепс бедра. Пока разминалась, она думала о встрече с Джейсоном Ди Горманом, которого абсолютно спонтанно, три минуты назад позвала с собой побегать.

Вообще-то, она планировала встретиться с ним позже вечером, но решила использовать эффект «эндорфинов бегуна» для того, что задать бывшему сопернику внезапные и, возможно, провокационные вопросы.

Приглашая Ди Гормана, Лиора не столько надеялась разоблачить его непонятно в чем, сколько подтвердить свое плохое предчувствие. Она рассчитывала, что после пробежки сможет или укрепиться в мысли о причастности Джейсона к чему-то, что еще предстоит выяснить, или же, наоборот, отбросить эту мысль и определить настоящую причину беспокойства.

Лиора, знала, что Ди Горман отказался вернуться на пост губернатора Техаса, знала, что он отказался от кресла сенатора и прочих предложенных ему должностей, более того, знала как и о выходке его жены Эммы, так и о том, что Джейсон подал на развод. Но все эти факты только усиливали ее подозрение, Лиоре виделось в этом радикальном развороте жизненного курса Джейсона, еще достаточно молодого для политики, успешного и известного человека, который мог и дальше продолжать борьбу за первый пост, что-то гораздо более странное, чем просто заявление об уходе будто бы полностью разочарованного жизнью политика и отсутствие намерений вновь когда-либо возвращаться на эту стезю.

Лиора закончила разминку и стояла, задумавшись, смотря на белку, которая сидела на ветке огромного кедра то наблюдая за Лиорой, то ковыряясь в шишке. Лиоре на секунду подумалось: а не хотела бы она быть вот такой белкой с одной-единственной заботой — доставать и доставать орешки из шишки? Она усмехнулась, но ответить на этот, вроде бы шуточный вопрос самой себе, не успела: увидела Ди Гормана. Он быстрым шагом шел по направлению к спортивной площадке.

Лиора жестом остановила охранников, которые пошли наперерез Джейсону. И сама пошла к нему, улыбаясь и слегка разведя руки для приятельского объятия.

— Рада тебя видеть, Джейсон, это же первый раз после нашей битвы? — тепло поприветствовала Лиора и слегка при-

обняла Ди Гормона.

— Госпожа Стрейс, взаимно, да, первый, ты права, — согласился Джейсон.

Лиора внимательно посмотрела ему в глаза и, не увидев в них никакого беспокойства, сделала приглашающий знак в сторону прорезиненной, кирпично-красной дорожки для бега.

Легкий темп позволял им вести диалог. Они обменялись ничего не значащими деталями своих перелетов в Новую Португалию, обсудили относительно новое явление научно-технического прогресса — гиперзвук «Mach 2», позволяющий преодолевать расстояния по воздуху в три раза быстрее, чем еще совсем недавно это делали обычные авиалайнеры, потом поговорили о джетлаге и о новых эффективных способах противодействия этому явлению.

Они бежали уже около тридцати минут, и Лиора начала увеличивать темп. Джейсон поспевал за ней с трудом, но все же держался достойно. Еще через пятнадцать минут такого интенсивного бега у Лиоры исчезло то чувство, что за Ди Горманом тянется какая-то опасность для нее. Она не оболщалась, она понимала, что ее неприятные ощущения проходят благодаря бегу. Но в этом и был план Лиоры: добежать не до своих гомонов счастья, а до эндорфинов Ди Гормона и атаковать, пользуясь его расслабленным состоянием.

Лиора внезапно остановилась, якобы поправить язычок кроссовка, присела, потянула его вверх, встала, посмотрела

на запыхавшегося и румяного Джейсона и спросила:

— Джейсон, ты же знаешь, что Нолан поддержал меня на выборах и сделал гораздо больше, чем было объявлено прессе. Но я так же хочу, чтобы ты знал, что до меня дошла информация... — она выдержала паузу, сверля Джейсона взглядом, — ...Нолан планирует атаку на меня и я полагаю, что ты тоже в курсе этого.

Конечно, это была провокация, намек на то, что Ди Горман якобы находится в каком-то сговоре с Каском, ну, или что-то в этом роде, и тут важен был не сам ответ Джейсона, сколько важна была его реакция.

Имей Джейсон какие-либо договоренности против нее, с Ноланом или кем-либо еще, он бы, конечно, никогда не повелся на этот вызов, сколько бы эндорфинов у него ни выделилось, и никогда бы себя не выдал каким ни будь неосторожным словом, но, он бы точно выдал себя, — внешними изменениями: не смог бы проконтролировать движение глаз, рта, бровей, рук, находясь в измотанном состоянии после почти десяти километров бега. Лиора пристально вглядывалась в лицо Джейсона, тот тоже смотрел прямо на нее, не отводя взора, и ответил без промедления:

— Так, значит... и у тебя золотой пульт вызывает недоумение?

Лиора немного растерялась. Она не понимала, о каком пульте идет речь. И все еще продолжала следить за мимикой

Ди Гормана, надеялась увидеть признаки лжи и возможного заговора, но с каждой секундой ее надежда обнаружить слабинку и ошибку в поведении Джейсона таяла, и взамен приходило облегчение.

Джейсон тем временем спокойно проговорил:

— Лиора, послушай, я вышел из игры, вышел и возвращаться не собираюсь. Хочу просто пожить. Это, наверно, трудно осознать, но это так, если хочешь, могу подробно рассказать тебе все свои мотивы, но не сейчас, конечно, и не здесь. — Он помолчал, посмотрел внимательно на Лиору и продолжил: — Я не представляю для тебя опасности ни явной, ни скрытой, никакой — я выбыл.

Лиора вглядывалась в глаза Джейсона, он — в ее. Бывшие соперники стояли в тишине. Она длилась не более двух-трех секунд, но им показалось, что это заняло в разы дольше. Она больше не чувствовала претензий к Джейсону. Точнее, так — ее тревожность утихла, и она уже не могла понять, с чем связано ее внезапное угасание: то ли с искренностью Ди Гормана, то ли все с тем же эндорфиновым эффектом бегуна. Ей стало определенно понятно, что Джейсон без труда раскрыл ее провокацию, но если он и был в чем-то замешан, то его реакция на этот ее подвох была безупречной.

«Можно считать, — подумала Лиора, — что первый раунд остался за ним».

Джейсон же понимал, что такая Лиора проверяет, и такая проверка связана либо с какой-то полученной ею информа-

цией относительно него, либо с ее интуицией. Джейсон рассчитывал, что Лиора поверит ему и снимет все внутренние обвинения. В противном случае ему не избежать ненужных и, возможно, серьезных проверок со стороны ее службы безопасности.

«Нужно что-то сказать убедительное», — подумал Джейсон.

— Ты получила странный пульт с драгоценными камнями вместо кнопок? А записку прочла?

Окончательно признав, что никаких признаков заговора на лице Джейсона нет, Лиора откинула эту мысль до лучших времен и поняла, наконец, о каком пульте спрашивает Ди Горман.

Джейсон и Лиора вновь побежали, медленно, так, чтобы без труда продолжить беседу.

— Ты находишь это странным? Мне показалось, что этот текст — просто очередная выходка эксцентрика Нолана, — ответила Лиора.

— Вполне возможно, но, знаешь... Вспомни любое торжество Нолана, посвященное его дню рождения.

— Ты говоришь о том, что по сравнению с прошлыми его праздниками, этот более масштабный?

— Не просто более масштабный, он огромный. Помнишь его пятидесятилетие, а ведь это был юбилей, обычные формальные встречи, обед на двести персон, поздравления, и

все, после гости быстро разъехались... И вдруг вот это... — Джейсон сделал широкий, театральный жест, обводя им окрестности.

Лиора инстинктивно посмотрела за направлением руки Ди Гормана и вновь увидела белку, теперь она перескакивала с ветки на ветку, с кедра на кедр, как будто тоже участвовала в пробежке.

— Похоже, эта белка решила следовать за нами, — усмехнулась Лиора.

— Что? — непонимающе спросил Нолан.

Лиора указала пальцем на сосну. Теперь Джейсон проследил за ее рукой и бросил взгляд на белку.

— Так и ты думаешь, что это несоответствие масштабов его праздников о чем-то говорит? О чем?

Джейсон остановился, вслед за ним — и Лиора.

— Я не знаю, но... Известно, что Нолан не очень любит свои дни рождения, и тут такой пир, на весь мир... не знаю, — тяжело дыша, признался Джейсон. — Я уже все, набегался, пойду, пожалуй. Отпускаешь меня? — он улыбнулся.

Лиора посмотрела на Ди Гормана и подумала, что у него симпатичная улыбка, потом удивилась своей мысли и дружелюбно ответила:

— Спасибо, Джейсон, что составил компанию. Я еще побегаю. — Она коснулась предплечья Джейсона, развернулась и, слегка подпрыгнув, побежала.

Джейсон посмотрел ей вслед: часто мелькающие подошвы

кресовок Лиоры говорили о высоком темпе бега. За президентом с трудом поспевали два охранника. Джейсон развернулся и не спеша пошел в сторону отеля.

Ава, Марло и Бобби расположились на белоснежной террасе одного из ресторанчиков центральной площади города Фара, окруженной старинными невысокими зданиями и выложенной красивой плиткой. Они только что закончили обедать и теперь смотрели на залитую солнцем площадь, бьющие радужной водой фонтаны и многочисленных прогуливающих людей.

Два охранника, Брайан и Стив, сидели неподалеку за соседним столиком, они не обедали, а пили уже по второй чашке кофе и контролировали все происходящее вокруг, стараясь при этом не привлекать к себе внимание.

И хотя они были одеты, как обычные туристы и даже старались иногда поддерживать непринужденную беседу, чтобы себя не выдавать, невысокому и очень шустрому официанту-испанцу, обслуживающему детей и Аву, было понятно, что эти ребята с короткими стрижками расположились здесь не просто так.

Убирая пустые тарелки со стола Авы и детей, он посмотрел на Аву и слегка кивнув в сторону охраны, приподнял обе брови, как бы спрашивая «с вами?». Ава сделала вид, что не понимает его знаков, широко улыбнулась и поинтересовалась у детей, не хотят ли они еще чего-нибудь.

Официант, не получив ответа, воспринял это как «да», хитро улыбнулся Аве, принял заказ на послеобеденные напитки и, ловко балансируя подносом, заполненным посудой, ушел в сторону кухни, сопровождаемый взглядом Брайана.

Бобби, надев на себя солнцезащитные очки а-ля «Джеймс Бонд», повернулся в сторону и, закинув ногу за ногу, смотрел на площадь. Марло усмехнулась и пальцами ступни, с которой она предварительно скинула сандалий, слегка подтолкнула голень Бобби, в шуточной попытке сбросить ногу брата с его колена, говоря тем самым: «не зазнавайся».

Бобби наигранно возмущился, посмотрел на Марло поверх очков. Сестра привстала, прижала Бобби к себе и поцеловала в макушку. Бобби застеснялся прилюдной нежности Марло и, сделав недовольное лицо, цокнул языком и отстранился. Марло засмеялась, Бобби посмотрел на нее и тоже засмеялся.

— У нас еще остается почти полтора часа, давайте спланируем, чем займемся? — предложила Ава с улыбкой. Ей нравилось настроение своих подопечных.

Она достала и разложила на столе карту-путеводитель. Не успели они вникнуть в хитросплетение улиц, как увидели, что чуть поодаль, на автомобильную дорожку, выложенную брусчаткой и отделяющую ресторанные террасы, примыкающие друг к другу, от керамической мостовой, выезжает спортивный автомобиль.

Это был Ferrari Seca SP5, новая модель. Собранный из еди-

ного карбонового монококка, с ярко выраженным сплитером впереди, острым носом и пухлыми крыльями, она притягивала к себе даже самые искушенные взгляды.

Шелестя по брусчатке покрышками на четырехспицевых колесах, красный автомобиль медленно катился вдоль ряда ресторанов, поражая праздные взоры пообедавшей и лениво сидящей за столиками сонной публики, требующей зрелищ.

Спорткар, так же медленно, докатившись до столика Авы с детьми, остановился в трех метрах от них. Автомобиль плавно взмахнул дверью-крылом, как у бабочки, и из салона вышел молодой человек. Красивый, высокий, с крупными кудрями, торчащими из-под красной бейсболки, в красной же футболке с логотипом «Феррари», черных джинсах и солнцезащитных очках.

Своим появлением юноша эффектно завершил спектакль «Прибытие Красного Автомобиля», публика осталась довольной, мысленно аплодируя неотразимому, под стать авто, водителю. Молодой человек сделал пару шагов по направлению к столику Авы и детей, снял очки и, улыбнувшись, сказал:

— Марло, Бобби, привет! Не узнали? — Потом добавил, обратившись к Аве: — Здравствуйте.

Брайан пересел на край стула, готовый сорваться на помощь.

Марло на секунду напряглась, но уже спустя мгновение ее лицо просветлело, она поднялась и воскликнула:

— Зен, привет! Извини, и правда, не сразу тебя не узнала!

Помедлила. Немного смутилась и, показав рукой на пустое кресло около их стола, предложила:

— Присядешь?

Официант принес запотевшую бутылку колы, открыл ее и поставил перед Зеном. Зен поблагодарил испанца улыбкой и кивком, но тот уходить не торопился и, показав жестом на «Феррари», сказал:

— Прекрасный аппарат, сеньор. — При этом у него был такой вид, будто именно за его одобрением Зен сюда и приехал.

Зен достал кошелек и протянул официанту оранжевую банкноту, тот скосил на нее глаза, чуть задрвав подбородок, сложил ладони перед собой и, покачивая головой, с укоризненной интонацией проговорил по слогам:

— Се-нь-ор.

Но тут же, не дожидаясь, что купюра исчезнет, взял ее со словами «Обригадо, сеньор!» и удалился.

Марло и Ава посмотрели вслед уходящему официанту и усмехнулись. Зен отхлебнул колы из горлышка бутылки и сказал:

— Что-то грандиозное затеял именинник, вы уже видели «Арена Ди Каск»

Все трое отрицательно замотали головами.

Марло явно волновало присутствие Зена, она обвела рукой Аву и Бобби и, стараясь говорить как можно естественнее, ответила:

— Мы решили, что внутри городка еще успеем осмотреться, а сегодня Фару... ты здесь уже что-то посмотрел?

— Нет еще, был на «Арене» и сюда доехал. Прокатился немного по городу, — Зен кивнул в сторону «Феррари». — Отец сделал мне сюрприз, заказав в прокат этого красавца.

Все вновь уважительно взглянули на автомобиль. Зен продолжил:

— Я, вообще-то, собирался купить колы и рвануть на смотровую площадку Monte Rogo. Это здесь пятнадцать минут на авто. — Он кинул взгляд на «Феррари» и добавил не без гордости: — На таком — десять.

Марло улыбнулась. Ава с интересом наблюдала за реакцией Марло.

— Марло, прокатишься со мной? — Зен посмотрел прямо ей в глаза.

Марло растерялась, но тут же взяла себя в руки и постаралась сделать голос как можно более спокойным:

— О нет, Зен, спасибо большое, но у нас полно планов.

Марло взглянула на Аву, ища поддержки, что планов действительно много.

Ава чувствовала, что Марло на самом деле очень хочет прокатиться с Зеном, а увидев ее глаза, все сомнения отменяла. Девушка отдала бы все на свете, чтобы оказаться с Зеном в машине по пути... впрочем, неважно, по пути куда.

Большинство девушек, получив такое предложение, не

смогли бы устоять, да и зачем пытаться сдерживать себя, подумала Ава, но вопрос заключался не в этом. Она вспомнила некоторых своих бывших учениц, которые на месте Марло тут же принялись бы ее упрашивать их отпустить. Марло же старалась никак не показывать своего желания и уж тем более о чем-то просить Аву, которая и так много сделала для них с Бобби в этот день. Эта черта Марло, сила ее характера, способность стараться быть свободной, даже находясь в вынужденной зависимости, импонировали.

— Слушай, Марло, планы мы... перенесем, да Бобби? — вслух сказала Ава и коснулась плеча Бобби.

Бобби посмотрел на Аву и кивнул, она продолжила:

— А вот составить компанию джентльмену в таком важном мероприятии, как осмотр окрестностей, мне кажется более интересным делом.

Чувства захлестнули Марло. Она не понимала, чего в ней сейчас больше: удивления ответу Авы; благодарности за ее чуткость; или предвкушению теперь уже возможной поездки с Зеном.

От всех чувств вместе Марло порозовела. Но тут же, словно спохватившись, спросила, посмотрев на Зена:

— Сколько это займет времени?

Зен ответил:

— Это займет ровно столько, сколько ты пожелаешь, но думаю, за сорок минут управимся.

— Но я совсем забыла... — в голосе Авы появились ин-

тригующие и одновременно печальные нотки. Она наклонилась вперед и продолжила шепотом: — Брайан... охрана... он точно не позволит. — Ава слегка кивнула в сторону соседнего столика.

Зен скосил глаза и наткнулся на сверлящий взгляд Брайана.

— Смотрите! — подключился к заговору Бобби и кивнул на площадь.

На ней в центре стоял знаменитый мистик-философ, также приглашенный на торжества, Гурджи-Гуру. Вокруг него собиралась толпа.

— Я сейчас встану и пойду туда, Ава, ты позовешь меня, но я отмахнусь и ускорю шаг, Брайан точно побежит за мной. Ава, ты встанешь и отвлечешь второго... ну, а вы... — Бобби глазами указал на автомобиль.

— Бобби... ты... спасибо... такой, — от переизбытка эмоций Марло не могла подобрать нужного слова.

— Какой? — хитро улыбнулся Бобби.

— Четкий... — уважительно сказала Марло.

Бобби засмеялся:

— Я это делаю не для тебя, вообще-то, а для него, — Бобби кивнул на Зена. — Я бы на его месте тоже хотел прокатиться на крутой тачке с крутой девчонкой.

Зен, Марло и Ава смотрели на Бобби с удивлением.

— Ну а ты и есть крутая девчонка, так что все сходится, — резюмировал Бобби и улыбнулся сестре.

Он посмотрел на Зена и показал ему в знак одобрения кулак с оттопыренным вверх большим пальцем, потом резко встал и пошел в сторону толпы. Ава немного растерялась от того, что план уже приводился в действие, но быстро опомнилась:

— Бобби! Ты куда? — громко выкрикнула Ава и встала.

— Сейчас! — отмахнулся Бобби и, ускорив шаг, оказался уже достаточно далеко.

Брайан, как и планировалось, сорвался и потрусил за Бобби.

— У вас сорок минут, не больше, — тихо сказала Ава ребятам.

Зен и Марло вскочили и через две секунды до этого открытые дверцы-крылья закрылись, пряча подростков.

«Феррари» взревев и зашуршал резиной по брусчатке, ускоряясь и явно не давая шансов бегущему за ним Стиву.

— Брайан, ты полностью прав, но послушай... — сказала Ава ровным голосом. Она не теряла спокойствия после того, как Брайан набросился на нее с обвинениями в некомпетентности и нарушении правил безопасности.

Брайан замахал руками, он и слушать ничего не хотел. Прошло несколько минут, как Марло и Зен сбежали, и он как старший охранник должен был немедленно принять решение, как ему дальше поступить. Но Брайан нервничал и не знал, что делать.

Ава быстро проговорила:

— Они вернуться через... — Она посмотрела на часы. — Уже через тридцать четыре минуты, и если мы просто подождем, то через... уже тридцать три минуты Марло будет здесь.

Брайан лихорадочно думал, что предпринять. Если он позвонит начальнику охраны президента и сообщит о внештатном событии, что по инструкции ему и следовало сделать, то впоследствии он точно потеряет работу и, возможно, предстанет перед профессиональным судом и будет лишен права заниматься охранной деятельностью пожизненно, его не возьмут охранником даже в самый захудалый супермаркет.

Потому, конечно, было разумно подождать возвращения Марло через сорок минут, как уверяла Ава. Скорее всего,

Марло вернется жива и невредима, и в этом случае придется договориться со вторым охранником Стивом, еще только приступившим к службе. «Стива, наверно, можно, подкупить супер положительным отзывом о его работе, — подумал Брайан. Такие отчеты требовались от Брайана как от старшего каждые три дня. — И обещанием не сообщать о его, Стива, некоторых уже совершенных в предыдущие пару дней мелких оплошностях». Брайан посмотрел на Стива, было видно, что он напуган и ждет решения Брайана. «Думаю, что с ним договорюсь».

Но, с другой стороны, если с Марло что-то случится или она просто вернется не через сорок минут, а через три или четыре часа, то для него это обернется статьей «неоповещение о форс-мажорной ситуации с высокой вероятностью киднеппинга члена семьи президента», и он гарантированно сядет в тюрьму. Муки выбора отразились на лице Брайана.

Ава воспользовалась этим и усилила свою позицию:

— Послушайте, ребята, это же сын Джейсона Ди Гормана, понимаете? Не кого-то там, а Ди Гормана. Я, конечно, может, и лезу не в свои дела, но дружба детей президента и такого человека, как Ди Горман, человека, который был кандидатом в президенты нашей страны, достойным соперником Лиоре Стрейс, человека, с которым наша президент накануне бежала в парке, обязательно пойдет на пользу не только лично им двоим для укрепления партнерских отношений, но... Но, если угодно, вообще всей нашей стране и всему миру!

Брайан, Стив и даже Бобби немного удивленно и одновременно зачарованно смотрели на Аву. Было не совсем понятно, насколько ее речь действительно может соответствовать будущей реальности.

Ава тем временем продолжила:

— И все мы... все мы здесь будем причастны к этой зарождающейся дружбе между Марло и Зеном! И минимум, что лично получишь ты, Брайан, и ты, Стив, — это благосклонность и покровительство в ближайшем будущем от больших людей, которыми скорее всего станут Марло Стрейс и Зен Ди Горман. Думаю, никто из вас не сомневается в том, что они станут большими и влиятельными людьми и очень скоро?

Ава так увлеклась своей речью, что фактически уже не просила Брайана, а приказывала от имени будущих «влиятельных людей», но пока что подростков, Марло и Зена. Брайан и Стив застыли. Ава еще раз взглянула на часы.

— И всего-то надо подождать тридцать минут, — завершила она свой горячий монолог. Шумно выдохнула, повертела головой в поисках официанта и, встретившись с ним взглядом, подозвала к столику.

— Принесите нам, пожалуйста, напитки.

И широко улыбнувшись, обратилась к опешившим охранникам:

— Кто что будет?

Некоторое время, пока автомобиль петлял по узким улочкам города, как охотничий пес, вынюхивающий добычу, а в их случае — выезд на дорогу, ведущую к Monte Rogo, Марло и Зен хохотали от удовольствия.

— Блин, круто, как в кино! — восторгался Зен, вырливая на трассу.

Марло восхищенно кивнула Зену. И тут же обеспокоенно сказала:

— Переживаю за Аву, ей достанется.

Зен посмотрел на Марло и серьезно сказал:

— Если что, попрошу отца, и он заступится, уверен, он поймет.

Марло благодарно кивнула.

«Феррари» вышел на трассу и, заняв безлимитный скоростной ряд, рванул вперед. Инерционная сила, подчиняясь Первому закону Ньютона, вжала Марло в анатомическое сиденье. Она повернула голову, лежащую на подголовнике, и посмотрела на Зена, его профиль выражал целеустремленность и бесстрашие, что в совокупности с высокой скоростью подействовало на Марло магически, и она, все еще любуясь чертами Зена и мельканием пейзажа за окном сбоку от него, сама себе улыбнулась и почувствовала разливающееся в груди тепло.

Красный Sesa SP5 остановился около смотровой площадки Monte Rogo. Зен взглянул на Марло и с улыбкой сказал: — Девять с половиной минут.

Люди, стоявшие на смотровой площадке, один за другим отрывались от захватывающего вида долины и океана, переключая свое внимание на мирскую красоту — автомобиль и не менее привлекательных выходящих из него юноши и девушки.

Марло повернулась к Зену в надежде спрятаться от любопытных взоров. Зен повел ее в сторону от людей, там, где был свободный и достаточно большой участок около парапета, преграждающего путь на кромку обрыва.

— Слушай, а Бобби-то каков! Крутой у тебя брат!

Марло кивнула. Она и сама не ожидала такого от Бобби. Нет, она, конечно, всегда думала о брате хорошо и никогда не замечала в нем чего-нибудь неприятного, того, чего трудно принимать в людях вообще, а уж тем более в своих близких. Марло не любила глупую самоуверенность, гордыню, позерство, хамство, подлость, мелочность, сексотство. И к счастью, она не видела ничего из перечисленного в брате, но и не ожидала от него такого героизма. Ощущение благодарности и гордость за Бобби добавились к восторгу от побега и к возникшему трепетному и пока еще непонятному чувству к Зену. Яркие новые эмоции смешались с захватывающим видом со смотровой площадки и внезапно подтолкнули

Марло к неожиданному поступку. Она схватилась за перила, поставила носки на нижнюю металлическую планку ограждения и подняться над землей так, что, коснувшись серединой бедер кромки перил, словно воспарила над пропастью. Она закричала банальное, но для нее в тот момент по-настоящему правдивое:

— Зен, спасибо! Жизнь прекрасна!

Зен схватил Марло за талию, опасаясь, как бы ей не захотелось «полетать» немного над долиной, и придерживал ее. Марло посмотрела сверху вниз на него и расхохоталась. Она смеялась сама себе, восторгалась этим днем, своим мыслям, всей ситуации.

Пришлось спуститься, что, впрочем, тоже не отвергало продолжение «полета», поскольку Зен взял ее за руку, а её кисть моментально наполнившись его энергией, передала этот поток электронов, дальше к её сердцу. Они стояли перед поручнями, не рассоединяя рук, и смотрели вдаль. Для них не существовало ничего, кроме этого, обжигающего тепла их ладоней, а и без того прекрасный, открывающийся вид на полосы золотых пляжей перед бескрайним океаном, от этого становился еще более восхитительным.

Через тридцать восемь минут от своего «побега» «Феррари» вернулся назад к столику, за которым раздалось сразу четыре облегченных выдоха. Ладонь Марло все еще горела, а тепло распространялось дальше по всему ее телу. Марло

улыбалась.

24 июня к полудню «Arena di Kask» была заполнена. Двенадцать тысяч гостей заняли свои места. В зале переговаривались, шутили, громко смеялись, оглядывались по сторонам в поисках знакомых лиц, которые здесь были кругом, приветствовали друзей и всей этой веселой суетой создавали тот предконцертный оптимистичный шум, который характерен для больших залов, собравших благообразную публику посмотреть подготовленное для нее зрелище.

Лиора сидела в четвертом ряду партера вместе с Марло, Бобби и Авой, два ее основных телохранителя, для которых были отведены места в партере, расположились неподалеку, в разных рядах, и внимательно изучали ближайшее окружение, постоянно натываясь на такие же пронизывающие взгляды телохранителей других высокопоставленных персон.

Марло, Бобби и Ава осматривали красоту амфитеатра, то и дело обращаясь к буклетам, сверяя увиденное с описанием архитектурных и технических особенностей «Arena di Kask».

Стеклянный купол, покрывающий «Арену», неплотно примыкал к стенам и как бы «зависал» над ними, создавая пространство для естественной вентиляции зала. Купол не пропускал ни ультрафиолет, ни инфракрасное излуче-

ние, «виновников» ожогов и ненужного тепла, и обеспечивал естественное освещение без побочных эффектов.

Лиора видела в шестом ряду президента России Федора Томина, он повернувшись, он что-то говорил на ухо своей супруге. Чуть дальше, в седьмом ряду, сидел генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Китая Линь Вэй в окружении старшей дочери и жены, внешне почти неразличимых и одетых в традиционные «чанао» бледно-голубого и бледно-розового цветов. Рядом с китайским лидером и его семьей разместился президент Франции Антуан Д'Эстрель с супругой и двумя сыновьями, он слегка наклонился и достаточно громко переговаривался с китайским лидером, так что Лиора смогла услышать беглую китайскую речь Антуана с элегантным французским акцентом.

И тут же Лиора обнаружила среди прочих лидеров и звезд мировой величины, Ди Гормана, расположившегося на десять или, может, чуть больше рядов позади. Рядом с ним сидел молодой человек, вероятно, нет, точно его сын, подумала Лиора, вспомнив, что видела его несколько месяцев назад в ходе предвыборной гонки, поддерживающим отца.

Несмотря на достаточно большое количество гостей между ними, Лиора не только увидела Джейсона, но и встретила с ним взглядами. Джейсон улыбнулся Лиоре. Лиора немного смутилась, кивнула и улыбнулась в ответ и тут же увидела глаза сына Джейсона и очень удивилась, когда он весело помахал ей рукой. Лиора чуть было не махнула в от-

вет, но боковым зрением заметила, что Марло повернулась в ту же сторону и тоже машет рукой. Посмотрев на Марло и проследив за ее взглядом, она, конечно, поняла, что приветствие сына Джейсона, предназначалось не ей. Марло же, увидев, что мать смотрит, быстро убрала улыбку с лица и повернулась к сцене, придав своему лицу непроницаемое выражение.

Лиора все еще продолжала смотреть на серьезный профиль дочери, резонно ожидая появления своего раздражения, за которым должны были последовать жесткие вопросы к Марло, но вместо этого внезапно ощутила приятное тепло, разливающееся у нее в груди, а вместе с этим теплом обнаружила появление слабого, но ощутимого желания поцеловать дочь в раскрасневшуюся щеку. Лиора замерла, прислушиваясь к совершенно новому, незнакомому ей ощущению, но уже через мгновение встряхнула головой, отгоняя непривычное чувство, и быстро повернулась к сцене, опасаясь, чтобы Марло или Бобби с Авой случайно не увидели растерянности на ее лице. К ее радости, она поняла, что представление начинается.

Стекло купола «Арены» из прозрачного превратилось в черное, не пропускающее свет, промежутки между куполом и стенами, откуда тоже мог проникать свет внутрь амфитеатра, закрылись автоматическими жалюзи, издав одновременный и потому громкий звук — шшух. Публика охнула в унисон и затихла, оказавшись в полной темноте.

Через три секунды на сцену обрушился поток лучей разного цвета и интенсивности, свет шел со всех сторон: с потолка, с боковых стен, из-под пола. Лучи выхватили и озарили неизвестно как появившийся на сцене симфонический оркестр, на первый взгляд состоящий не менее чем из двухсот или даже более того, человек. Публика охнула еще раз.

Раздался тихий, однотонный, продолжительный звук органа. Он постепенно усиливался, создавая атмосферу некой напряженности, которая вот-вот должна была разрешиться.

Так и случилось: монотонное звучание органа сменилось пронзительными звуками труб и валторн, взявшими одну за другой пять нот. Начиная с мощной и уверенной «ми», трубы величественно поднялись к «си», а после снова вернулись к «ми». Затем духовые плавно перешли к «ля» и «до» и добавили еще больше торжественности, постепенно поднимаясь вверх: «Та-Та-ТА-ТАА-ТААА».

Мелодия звучала, как призыв к пробуждению, и вместе

с ее усилением изменялось и освещение в зале, создавалось ощущение, что из-за кулис и вообще по всему периметру «Арены Ди Каск» появляются потоки мерцания, напоминающие первые лучи еще не взошедшего, но вот-вот готового появиться солнца.

Тон мелодии изменялся, когда спускался к «ре» и декламировал продолжительный звук на «си», являя его силу и внушительность. Это повторяющееся движение между нотами пробуждало ощущение бесконечности и торжественности, и у слушателей не оставалось никакого сомнения: сознание, мысли, тело — вся их сущность устремляется к образу «Восходящего Солнца».

Лица присутствующих в зале выглядели взволнованно, значительно, под стать «Фанфарам Солнца» Рихарда Штрауса из симфонии «Так говорил Заратустра». «Фанфары» продолжились около двух минут, и в исполнении виртуозов произвели нужное впечатление на публику.

Закончилась музыка подчеркнутым финальным движением палочки дирижёра. Одновременно с этим купол вновь стал пропускать естественный свет, который залил сцену лучами настоящего Солнца.

Музыканты поднялись со своих мест. Дирижер повернулся к залу, и все узнали Эмиллу Динания, самого известного и самого молодого дирижера. Двадцатилетняя Эмилла, завоевавшая мир своими симфоническими интерпретациями, порой невероятно дерзкими, поклонилась публике.

Оркестр последовал примеру Эмиллы — поклонился. Двенадцать тысяч гостей аплодировали, приветствуя именитую руководительницу оркестра и не менее именитых музыкантов.

Эмилла повернулась к оркестру и жестом пригласила занять свои места, музыканты повиновались. Свет вновь исчез, и дирижер взмахнула палочкой: зазвучала «Пятая симфония» Бетховена в ее интерпретации, собственно, и сделавшей Эмиллу знаменитой.

Первая часть симфонии, как и положено классическому варианту, началась в до миноре. Четыре известные ноты прозвучали привычным «стуком судьбы в дверь» и мгновенно погрузили слушателей в драматический мир борьбы воображаемого героя с его же воображаемой судьбой.

К концу первой части Эмилла начала использовать динамическую гибкость и нюансировку таким образом, что ожидаемое окончание первой части с ожидаемым переходом в смягчение второй части внезапно изменило ход, и только что начавшееся мягкое звучание ля-бемоль мажора вернулось к до минору.

У публики, хорошо знакомой исключительно с классическим произведением, от такого поворота возник эффект легкой паники, как у пассажиров авиалайнера возникает тревожность, когда вместо касания посадочной полосы, самолет начинает внезапный набор высоты и заходит на второй круг.

Впрочем, и у тех, кто был знаком с нюансом, привнесенным Эмиллой в «пятую», по-прежнему захватывало дух,

возможно, не так эмоционально, как у растерявшейся от внезапного «набора высоты» первой группы слушателей, знавших только классику, но и не менее захватывающе и примерно так, как чувствуют себя посетители самой высокой «русской горки», пусть и испытавшие не раз падение с ее крутизны: вновь падая, они все так же кричат и хватаются за животы и головы.

Лиора с наслаждением слушала Эмиллу, она была знакома с этой версией и вновь наслаждалась ее исполнением. Но ближе к середине произведения, уже после «набора высоты», Лиора внезапно осознала, что и вступительные «Фанфары» Штрауса, и теперь «Симфония Судьбы» Бетховена выбирал не постановщик шоу — это был выбор Каска и, вероятно, нет, точно, он хочет этим сказать именно то, о чем они вчера говорили с Ди Горманом: «Я собрал вас не случайно, я собрал вас, чтобы...». Чтобы что? Лиора отмахнулась от маниакальной мысли и постаралась сосредоточиться на музыке.

В третьей части Эмилла вновь повела себя как «прилежный ученик», выучивший классику, и вернула слушателей к миру напряжения и темной загадочности. Она почти полностью сохранила бетховенский подход к скерцо: контраст между тенью и светом, игрой и драмой, но ближе к концу третьей части, добавив романтического стиля и расслабленного темпа, усыпила бдительность публики, чтобы через короткий промежуток времени обрушить на нее грандиозное нарастание звука и усиление ощущения катарсиса.

Лиора вновь почувствовала тревогу, и за минуту до конца симфонии, именно в момент четырехтонического мотива «та-та-та-тааам», она повернулась назад, пытаясь увидеть Джейсона. В этот раз Лиора не нашла ни его взгляда, ни его самого.

Лиора обернулась к оркестру и вернула свое внимание на сцену, точнее, она вернула взгляд, а внимание так и осталось сконцентрированным на тревожной ноте, звучавшей одновременно и со сцены, и внутри нее самой: та-та-та- тааам — шла «борьба с судьбой» на подмостках Арены Ди Каск — та-та-та-тааам, — шла борьба с предчувствиями неизбежного в душе Лиоры.

Эмилла виртуозно завершила шедевр Бетховена. Зал одновременно поднялся и взорвался аплодисментами, которые быстро перешли в овации. Музыканты кланялись чуть ли не половину времени, которое они посвятили исполнению симфонии. Постепенно накал стих. Эмилла повернулась к оркестру и взмахнула палочкой.

Вновь зазвучали «Фанфары» Штрауса, на этот раз без органного вступления с монотонным «ууууу», а сразу раздались пять первых торжественных нот, взятых трубами и валторнами. В момент их звучания на сцене, из глубины кулис, чуть пританцовывая, появился виновник торжества — Нолан Каск, одетый в классический смокинг. Он шел, раскинув в стороны руки, и с широченной улыбкой, как какой-нибудь заправский конферансье.

Каск слегка поклонился Эмилле, и «Фанфары» стихли. Зал поднялся с очередными овациями, теперь уже адресованными Каску. Послышались одиночные выкрики: «С днем рождения, Нолан!»

Нолан обратился к оркестру, что-то сказал, прижал руки к груди и поклонился. Потом повернулся к залу и, сделав жест в сторону оркестра, стал аплодировать вместе со всеми. Музыканты кланялись, переглядывались, воодушевленно улыбались, демонстрируя взаимное с публикой удовлетворение.

Наконец Нолан остановился, еще раз поклонился оркестру, улыбнулся и что-то тихо сказал. Оркестранты во главе с дирижером стали рассаживаться на свои места. Нолан быстро повернулся к залу и мягким жестом попросил всех садиться. Гости расселись и затихли.

— Дамы и Господа, я приветствую вас здесь и благодарю, что вы откликнулись на мое приглашение и собрались в Новой Португалии, в стенах «Арены»! — Нолан жестом определил возникающие аплодисменты, улыбнулся и продолжил: — И то и другое было создано мной для сегодняшнего дня, для сегодняшнего шоу. Для вас всех, мои дорогие!

В этот раз Нолану не удалось сдержать восторг гостей, и некоторое время он, улыбаясь, слушал их и отвечал овациями вместе со всеми. Нолан поднял руку. Аплодисменты стихли.

Вновь зал погрузился в сумрак, и через секунду фигура Нолана оказалась в свете мощного софита, который образовал вокруг Каска подобие желтого конуса. Сам же Нолан, как по волшебству, преобразился — теперь на плечи был накинута черная с золотой прошвой тяжелый халат до пола, а на голове возвышался заостренный, черный с золотым колпак. Нолан был похож на средневекового мага. Внезапное, волшебное преображение Нолана в мага-чародея выглядело очень интригующе.

Лиора почувствовала: «началось», и у нее возникло непреодолимое желание встать и бежать отсюда как можно

дальше. Она даже оглянулась вокруг в надежде найти поддержку в лицах и взглядах соседей. Ей казалось, что это должно быть абсолютно ясно всем, не только ей одной, но, блуждая глазами по сидящим, она натыкалась на зачарованные лица, с улыбкой предвкушения сюрпризов люди не отрывались от сцены. С таким же интересом и даже приоткрытыми ртами туда смотрели и ее дети с Авой.

Марло краем глаза заметила суетливость матери и поняла, что с ней что-то не так. И вместо привычного уважения, которое она почти всегда испытывала при виде матери-президента, Марло вдруг испытала пронзительное и не особо поощряемое в их семье чувство — настоящую и безусловную любовь. Любовь ребенка к своей матери. Марло вдруг увидела свою маму, обычную встревоженную женщину.

— Мамочка, что случилось? — наклонившись к Лиоре, неожиданно и для себя, и для матери прошептала Марло.

Слово «мамочка» почти никогда не использовалось в их общении, и не то, чтобы оно было запрещено, просто стиль воспитания не подразумевал привычки в уменьшительно-ласкательных суффиксах.

Лиоре вдруг удивилась своему новому чувству. Ей захотелось сейчас, немедленно, прервать эту долгую «игру в железных детей и матерей», она тут же встала с кресла и, слегка присев перед детьми, обняла каждого из них по очереди и каждого поцеловала в щеку, потом вернулась на место и протянула руку сидевшей ближе Марло, улыбнулась Бобби.

Застывшая от внезапной маминой нежности Марло немедленно протянула руку в ответ и вложила свою кисть в ладонь Лиоры, крепко ее сжав, растерянно улыбнулась. Бобби смотрел то на маму, то на Марло, он был удивлен не меньше сестры и не знал, как реагировать, лишь потирал место поцелуя. Марло протянула ему вторую руку, он схватил ее ладонь и почувствовал, как через сестру до него доходит любовь матери.

Нолан, стоял в желтом кругу света, облаченный в мантию волшебника, и молчал, казалось, что он ждал, пока Лиора закончит с проявлением нежности к детям, но нет, он не видел Лиору, он рассматривал зал. Наконец Нолан заговорил:

— Уважаемые дамы и господа, прежде должен сообщить, что ваши подарки мне очень понравились: вы знали, чем меня порадовать! Мне подарили более трех тысяч предметов современного искусства, и все они, без исключения, восхитительны! Благодарю вас всех!

Нолан начал аплодировать, зал подхватил, а он взмахнул правой рукой куда-то вверх и назад. Включился огромный экран, на котором появилось видео, сделанное в современном выставочном павильоне. Камера плыла по залам и выхватывала крупным планом экспонаты, в которых присутствующие узнавали свои упомянутые подарки. Шедевры находились в залах — заполняли стены, пол, столы, размещаясь на специальных приспособлениях. Аплодисменты не стихали, а Нолан продолжил:

— Ваши ценные подарки размещены в отдельном здании, создана экспозиция, которую я незамысловато назвал: «Прекрасные и бесполезные подарки».

Нолан слегка засмеялся и замолчал, вглядываясь в зал,

словно проверял реакцию публики. Которая не заставила себя ждать. Аплодисменты прекратились, гости в недоумении переглядывались, вероятно, пытаясь понять, шутит ли Каск зло или по-доброму, или того хуже, вообще не шутит? Восторг сменился давящей тишиной. Атмосфера из экзальтирующей превращалась в растерянную, даже гнетущую. Каск дружелюбным и извиняющимся тоном сказал:

— Дорогие гости! Я мог нечаянно вас обидеть, но... вы сейчас поймете, почему я применил эпитет «бесполезные» к вашим прекрасным подаркам... Прошу проявить терпение, и вы все поймете... Разгадка находится в моем ответном вам всем подарке... — После минутной паузы он продолжил: — Я сделаю вам подарок, тоже своего рода из разряда современного искусства, но не статичного, а иммерсивного. Предлагаю вам перенестись в созданную мной многомерную среду, которая будет воздействовать на ваши органы чувств мощнее, чем когда-либо ранее что-либо другое. Я это гарантирую всем без исключения. Я готовил этот подарок последние восемь лет. Я долго шел к этому дню. Первоначально мой план был — предложить вам это шоу на свое пятидесятипятилетие, то есть через год, но потом я подумал, зачем тянуть и ждать, когда уже все готово? Есть же прекрасная дата — пятьдесят четыре, чем это она хуже пятидесяти пяти или пятидесяти трех? Да ничем!

Нолан повернулся к оркестру и, по-дирижерски подняв руки, на секунду замер. Потом резко бросил их вниз. Зазву-

чала барабанная дробь. Свет желтого софита исчез, и вновь наступила полная темнота. Свет включился. Теперь это был не желтый ретро, а голубовато-космическое свечение с едва различимыми красными «прожилками» лучей, направленных с периферии в центр сцены. Там, где красные и голубые фотоны света собирались в пучок, раньше стоял Нолан Каск в мантии. Теперь же место пустовало. И только усилившаяся дробь намекала: «секунду, сейчас все будет».

Дробь стихла, и Каск вернулся. Точнее, сначала возник, плавно вырастая из пола сцены, прозрачный лифт-пенал. Будучи в основании сорок квадратных футов и высотой около семи, он имел округлые очертания и выглядел ультрасовременно, по-космически. Появился пенал ровно в том месте, где раньше находился Каск в мантии чародея и куда сейчас были направлены бледные голубовато-красные лучи.

Внутри пенала стоял улыбающийся Каск, одетый в комбинезон, тускло-стального цвета с яркими шевронами на груди и рукавах. Нолан вышел из стеклянного цилиндра через мягко открывшиеся двери-створки:

— Друзья, прошу не судить меня строго за этот костюм путешественника по вселенной, да и вообще за весь этот театральный шум, который был и, возможно, будет еще. — Каск хитро улыбнулся и загадочно поднял указательный палец, посмотрев при этом на него. — Это всего лишь преамбула к моменту, когда я посвящу вас в суть упомянутого мною подарка. Впрочем, смена моих костюмов не лишена логики, в этом кроется суть моего подарка. Думаю, что скоро вы сами все увидите.

Каск улыбнулся и замолчал, прошелся по сцене, обвел долгим взглядом зал и продолжил:

— Пожалуй, еще немного моих пауз и подводок, и я по-

теряю должный эффект, а вы начнете уходить или кидать в меня помидорами.

Какс засмеялся. Зрители молчали. Он быстро развернулся и пошел к лифту-пеналу. В следующие секунды двери стеклянного цилиндра захлопнулись за ним, и конструкция, стремительно, как гильотина, провалился куда-то вниз.

Вновь включился огромный экран, на котором до этого можно было видеть павильон с подарками, теперь же гости лицезрели на нем Нолана в интерьере, который соответствовал космической теме.

Каск находился как будто в рубке управления космическим кораблем из голливудского блокбастера. Большая и просторная, с тремя креслами и светящимся пультом управления с многочисленными кнопками, и рубильниками.

Нолан сидел в центральном кресле кокпита. Камера, направленная ему на спину, медленно приближалась. Каск бодро прокутился на кресле капитана и оказался лицом к зрителям, широко улыбнулся, как популярный телеведущий, встал и сопровождаемый невидимой телекамерой заговорил, медленно и артистично перемещаясь по рубке:

— Господа, я нахожусь на борту космического дирижабля, о технических характеристиках которого я вам расскажу позже. Путешествие на нем будет предложено вам как часть моего подарка. Это будет необходимо, чтобы полностью ознакомиться с ним и испытать невиданное по силе событие.

Камера следила за Каском, то укрупняя изображение, то показывая общий план помещений, по которым он двигался. Нолан вышел из пункта управления и зашел в огромную

комнату со стеклянными и темными стенами, вдоль которых тянулись деревянные поручни, наподобие тех, что есть в балетных школах, из-за чего пространство напоминало зал для занятий танцами.

— А это балетный зал номер один. Согласитесь, похож на студию танцев? Но это не для балета. Зал вмещает пять тысяч человек. Есть еще второй зал такой же вместимости. — Каск показал куда-то в сторону рукой, и ни у кого из притихших гостей не оставалось сомнений, что такой второй зал существовал.

Картинка переключилась, в кадре вновь был Каск. Он вернулся в рубку управления, и теперь его предыдущие костюмы объединились в один: Нолан стоял в стальном облачении «путешественника по вселенной» с накинутой поверх черной с золотом мантией. На голове вновь появился колпак.

Позади Каска на довольно большом экране перед пультом управления крутился 3D-макет Земли. Ничего особенного в этом изображении не было, оно походило на подобные многочисленные виртуальные инсталляции, которые почти всем приходилось видеть на различных экранах и по совершенно разным поводам.

В какой-то момент гостям все предыдущее выступление Нолана, плюс его костюмированная театральность и вот этот вот незамысловатый макет Земли, показались просто хорошей подводкой к какой-то грандиозной задумке Каска, которая, впрочем, была вполне ожидаема, — это же, в конце

концов, был Нолан. Поэтому, увидев макет голубого шара с континентами, почти все зрители облегченно выдохнули.

Услышав реакцию гостей и увидев улыбки на их лицах, Какс сделал пол-оборота к экрану с макетом и торжественно произнес:

— Дамы и Господа, итак, мой подарок: я планирую подарить вам... — Каск громко пропел четыре ноты из недавно исполненной «Симфонии Судьбы» — Та-та-та-тааам!!! — и, выдержав короткую паузу, так же громко и торжественно произнес: — Я подарю вам смерть, смерть нашей планеты Земля!

Каск замолчал. Зал не шелохнулся, было непонятно, о чем говорит Нолан и как это вообще понимать. Каск внимательно и с легкой улыбкой оглядел всех и продолжил немного снисходительно:

— Конечно, дорогие мои, вы еще не до конца меня поняли, не осознали, и это естественно, как такое осознать за секунды. Еще раз, друзья: я дарю вам всем настоящую смерть планеты! То есть «Бум» — и нашей планеты нет!

Зал по-прежнему не шевелился. Несмотря на «бум», люди не понимали, что такое говорит именинник, в этом не было логики, требовалось разъяснение этой шутки.

Лиора повернулась, ища глазами Джейсона, и сразу увидела его: он уже вышел в широкий проход между креслами и смотрел на экран стоя, Каск же продолжал спектакль одного актера:

— Вижу, что вам все еще не понятно. Еще бы! Постарюсь все объяснить постепенно. Слушайте, пожалуйста. Господа, риторический вопрос: кто-нибудь из вас был при рождении Земли? Небольшой экскурс в наше прошлое, уверен, все помнят, но все же. Вы же знаете, что наша планета родилась примерно пять миллиардов лет назад, известный факт. Скажите, пожалуйста, тогда, пять миллиардов лет назад, кто из вас был при ее рождении? Нет, никто не был? — Каск театрально грустно улыбнулся, — вот и я не был. И я подумал, если мы не видели рождения нашей планеты, так, может быть, можно увидеть ее смерть? Современная наука говорит, что нашей планете жить еще столько же, то есть еще пять миллиардов лет. Якобы потом Солнце исчерпает запасы водорода и начнет переходить в стадию «красного гиганта». В этом процессе оно значительно увеличится в размерах и поглотит свои планеты, включая и Землю.

Каск повернулся к экрану, на нем появилась видеосимуляция процесса превращения Солнца в «красного гиганта». Солнце увеличивалось в размерах, его цвет менялся с огненно-желтого на огненно-красный, а планеты солнечной системы подлетали все ближе и ближе к нему и в итоге вспыхивали и исчезали, как вспыхивают и исчезают мошки и комары, подлетая к садовой лампе-ловушке.

Какс продолжал:

— То есть Земля родилась пять миллиардов лет назад,

жить нашей планете еще пять миллиардов. Мы где-то сейчас посредине ее пути, и никакой надежды на то, что мы с вами доживем до момента ее смерти, нет... Более того, вообще непонятно, доживет ли человечество, как таковое, до этого момента. Но! Если Земля все равно умрет, так почему бы, подумал я, не ускорить процесс и не увидеть ее смерть сейчас? Почему же надо оставить это грандиозное событие кому-то другому? Чем мы хуже тех, кто мог бы увидеть это в будущем?! Мы же такие сейчас, как и те мы будущие!

Лиора, посмотрев в сторону Джейсона, увидела, что тот направился к сцене уверенным шагом. Одновременно она заметила, как встает президент России Томин и Китая Линь Вэй, и оба начали продвигаться к сцене. Лиора тоже поднялась и, выпустив руку Марло, глянула на нее, коснулась ее плеча, потом погладила руку Бобби, кивнула Аве и пошла к сцене.

Тем временем Ди Горман уже добрался до сцены и быстро поднялся. Каск увидел стремительный спринт Джейсона и, улыбнувшись, заплодировал. Джейсон подошел к Эмилле, что-то сказал, и застывшая дирижер механически достала микрофон, закрепленный на стойке, и передала его Джейсону.

Джейсон поднес к лицу микрофон, его губы зашевелились, но звука в динамиках не возникло. Вместо его слов вновь зазвучал Нолан, и Ди Горман обернулся на экран:

— Джейсон, здесь я управляю ситуацией, как, впрочем,

и везде... А уж микрофоны на «Арене» точно подвластны только мне.

Повсеместно стали подниматься люди. И через три минуты весь зал стоял и возмущался.

— О! Вижу большинство хочет, чтобы я включил микрофон Джейсону Ди Горману, — язвительно проговорил Нолан, и публика в подтверждение усилил возгласы.

— Что ж, я люблю демократию, я и сам когда-то был демократом, поэтому предлагаю такой вариант: я договорю, мне еще немного надо времени, а ты, Джейсон, далеко не уходи, и как я закончу, сразу передам слово тебе. Договорились?

Джейсон, посмотрел на изображение Нолана. В этот момент на сцену поднялась Лиора, с Томиным и Линь Вэем. Джейсон повернулся к огромной «Арене» и закричал, стараясь, чтобы его голос звучал как можно громче:

— Уходим отсюда! Все уходим! Мы нужны ему здесь! А нам всем!!! Надо!!! Уйти!!!

В зале поднялся гул, люди вертели головами, первые ряды, которые услышали слова Джейсона наполовину, начали оглядываться в поисках выходов.

Внезапно по всему периметру «Арены» включились дополнительные экраны, и Нолан, невзирая на общий шум и начавшееся движение, сказал очень громко, так, что его голос, звучащий из динамиков, полностью поглотил и призывы Джейсона, и бурление зала:

— По всей сфере Земли я заложил шестьдесят четыре за-

ряда, назову пока так эти устройства, эти заряды, как только я нажму на кнопку, расколют планету на сто двадцать четыре куска, куски эти тут же сойдут с земной орбиты и превратятся в астероиды и метеориты. Часть из них покинет пределы солнечной системы, часть останется и займет разные орбиты вокруг солнца и других планет в соответствии со всемирным законом притяжения.

Джейсон, Лиора и все в зале застыли и воззрились на экраны. Вновь возникла тишина. На экранах появилась компьютерная симуляция анонсированного взрыва: голубой шарик Земли то приближался, то удалялся, в зависимости от необходимого эффекта, мигали геолокационные метки мест, где, по словам Нолана, были заложены заряды.

— Здесь вы можете видеть приблизительные места заложённых зарядов, так вот... здесь... и здесь... и здесь, в общем, по всей Земле их, как я уже говорил, шестьдесят четыре. — Нолан комментировал видео с большим энтузиазмом.

Люди смотрели «Шоу», и не понимали, принимать ли все это за правду или у «Шоу Лаборанта» все-таки будет счастливый финал в виде розыгрыша?

Джейсон бросил взгляд в зал и увидел Зена, который куда-то пробирался. С трудом, но сын оказался около Марло и Бобби Стрейс. Марло посмотрела на Зена, растерянно улыбнулась и коснулась его запястья. Зен взял ее ладонь в свою. Стоящая рядом Ава кивнула Зену и приобняла Бобби. Увидев Зена и Марло, Джейсон подумал, что, вероятно,

нашел ответ на вчерашний комментарий сына относительно его прогулки в Фару: «Я, кажется, влюбился». Джейсон рассеянно улыбнулся.

Громкий, почти как крик, голос Каска, отвлек Джейсона от волнующей мысли о сыне:

— А сейчас! Смотрите, я нажму вот эту самую красную кнопку, заметьте, красную... — Голос Нолана звучал так, будто он находится на кулинарном шоу в роли повара-умельца и рассказывает о необходимости добавить в блюдо щепотку той или иной специи. — И Земля расколется, как я и обещал.

На видео крупным планом появилась кнопка в виде красной шляпки на металлической ножке, она была прикрыта предохранительным прозрачным колпаком. Нолан открыл колпак и поднес ладонь к кнопке. На лицах многих людей в зале отразился ужас в ожидании реального взрыва. Нолан нажал на кнопку, но ничего не произошло.

Все изменения случились на экране: макет планеты Земля из голубой превратился в зелено-желтый, и изнутри планеты стали прорываться на ее поверхность сначала единичные, а затем и множественные золотые лучи-молнии. Эти молнии ширились, и в какой-то момент земной шар распался, и множество осколков стали разнонаправленно удаляться от бывшего центра бывшей планеты.

— Согласитесь, было красиво! — восхитился Нолан.

Гости по-прежнему стояли, не шелохнувшись, и хотя реального взрыва не произошло, теперь было понятно, — это действительно угроза.

— Я провел симуляцию, чтобы показать вам, как это произойдет в реальности. Вы сейчас, вероятно, думаете, что я злодей и убийца... Или даже нет, — сумасшедший и маньяк... Что ж, вы вправе так думать. Но на самом деле сейчас происходит следующее: вы, господа и дамы, просто сопротивляетесь принятию моего подарка! Но! Выбора у вас нет — наступает первая стадия. Прямо сейчас.

Нолан спокойно улыбался и смотрел на гостей, кто-то был на пути к выходу по призыву Ди Гормана, кто-то встал и смотрел за происходящим на экранах стоя, кто-то еще сидел, — но всех их объединяло одно: никто не мог оторвать взгляд от экрана с «волшебником» Ноланом.

— А да, кстати, теперь вам понятно, почему ваши подарки я назвал бесполезными? Правильно! «После взрыва бесполезно будет все!» — весело сказал Нолан.

Каск с удовлетворением обнаружил, что ввел аудиторию в транс, и чтобы уже окончательно сделать этот эффект тотальным и необратимым, произнес абсолютно другим тоном, непохожим на свои прежние театральные заигрывания, — металлическим и сухим:

— Я взорву Землю, хотите вы этого или нет!

«Она должна прийти, она не может не прийти», — внезапно промелькнула мысль, и Каск немного испуганно тряхнул головой, отгоняя ее. Легкое волнение удивило Нолана и, как ему показалось, даже немного обрадовало: неужели он еще может чего-то бояться?

Затеплившаяся надежда о ее возможном появлении отвлекла Нолана от ситуации в зале, хотя сейчас ему было необходимо сосредоточиться на контроле эмоционального состояния людей и сделать так, чтобы гости поверили в серьезность его намерений. Ведь только что демарш Джейсона чуть было не спутал ему карты, больше он не хотел выпускать инициативы ни на секунду.

Нолан сосредоточился, уперся локтями в алюминиевую панель, отделяющую его капитанское кресло от приборов, и отключил трансляцию своего изображения. После этого он, быстро надавив пальцами на мочки ушей, немного потерял их и тут же вновь включил трансляцию.

И неловкая мысль, и чувства Нолана, и ритуал, чтобы сбросить излишнее напряжение — все это заняло от силы четыре-пять секунд.

Нолан всмотрелся в людей и удовлетворенно понял, что ему удалось произвести нужный эффект, — лица отражали

беспокойство, неуверенность и испуг. Серьезность намерений Каска покончить с Землей в воображении его зрителей постепенно обретала реальностью. И все же, хотя вера в то, что Нолан не шутит, и усиливалась, некая абсурдность не давала возможности окончательно принять его слова всерьез.

Публика в зале собралась неординарная, в массе своей характеризующаяся лояльным эгоизмом и цинизмом, прикрытым искрометной, но фальшивой наивностью.

Сейчас все эти мировые знаменитости: президенты, шоумены, ученые, бизнесмены, спортсмены — все они, находившиеся здесь, внутри «Арены Ди Каск», пребывали в замешательстве.

Существование технической возможности «Взрыва» казалось крайней маловероятной, а даже если такая и имела, то отсутствие настоящего, реального мотива, для самого Каска, делало это заявление бессмысленным, а значит, по-прежнему вероятность розыгрыша, была очень велика.

«Взорвать планету? Зачем? Чтобы посмотреть на ее смерть и умереть самому? Он нас разыгрывает, это полный бред!» — выдавал коллективный разум, не желающий верить в скорую смерть.

На сцену, к Джейсону поднялись Лиора, Федор Томин, Линь Вэй и Антуан Д'Эстрель.

Джейсона, не смущало ни отсутствие внятного мотива, ни сомнения относительно технической возможности, он понимал, что, если существует хоть малая вероятность того, что

все это «шоу» не является розыгрышем, -необходимо начинать борьбу без промедлений.

Лиора, Томин, Вэй и Д'Эстрель пошли за Лиорой реагируя на ситуацию с необходимостью срочного противодействия, примерно так же, как и Джейсон.

Вместе с ними, стояли еще пару десятков лидеров других стран, а остальные полторы сотни руководителей разных частей планеты ждали внизу, пока, еще точно не определившись с целью своего нахождения около сцены, но ощущая важность момента общей президентской солидарности.

Прибыв к сцене и сформировав группу, все президенты немного успокоились, как будто только одним своим присутствием сразу в одном месте они делали невозможным совершение какого-либо зла, хотя, вполне вероятно, именно их солидарное нахождение в одном месте без определенной цели, уже само по себе и было злом.

Это было злом, поскольку остальная публика, смотрящая на сцену и видевшая двести уверенных президентов, заражалась от них этой самой уверенностью и становилась беспечной, подсознательно перепоручая своим лидерам решения важнейших вопросов, которые, прямо в этот момент, касались непосредственно их жизней.

Лиора негромко спросила Джейсона, Томина и наклонившихся к ним Вэя и Антуана, есть ли у них какие-либо сведения относительно существования таких зарядов. Джей-

сон отрицательно качнул головой, Томин достал смартфон и быстро начал набирать какой-то текст в мессенджере, Линь Вэй ничего не ответил или ответил отрицательно, если за такой ответ можно было принять игру желваков на его челюстях.

Джейсон так же тихо сказал:

— Пока нет развернутого анализа угрозы, мы не можем ничего предпринять, кроме того, чтобы призвать людей выйти из зала и не играть в его игры—

Стоявшие рядом президенты согласно кивнули.

Эти четыре-пять секунд отсутствия Каска, за которые президенты успели переброситься парой фраз, закончились появлением Нолана на экранах и внезапно прозвучавшим, четырехтонической мотив Бетховена:

«Та-та-та-тааам» и еще раз на октаву ниже «Та-та-та-тааам». Музыканты после двух проигрышей главной темы замерли перед поднятой и застывшей палочкой дирижера.

Начало пятой симфонии усилило напряженность момента, но и одновременно добавило театральности, то есть вымышленности. Фактически Эмилла музыкой указала на художественную фантазию и как бы спросила у Каска: «Так это все-таки шутка?»

Эмилла обернулась к экрану вполоборота и вопросительно посмотрела на Нолана. Нолан улыбнулся, встал с капитанского кресла, камера взяла общий план, Нолан вытянул впе-

ред руку. Не выходя из образа актера, он в той же игровой манере обратился к залу в общем и к Эмилле конкретно:

— Да, так и есть «жизнь-игра», спасибо, Эмилла, вы очень тонко чувствуете момент.

Эмилла медленно опустила палочку, а музыканты — инструменты.

Нолан продолжил:

— И сейчас, конечно, тоже, происходит игра. Только, в отличие от настоящего театрального подмостка, на подмостках жизни нет никакой возможности переиграть сцену еще раз, поменять диалоги или содержание, здесь мы играем один раз, сразу, в надежде, что это лучший из возможных исходов. А у этой пьесы исход будет оптимистичный, в том плане, что, взорвав с вами Землю, мы сами возьмем свою судьбу в свои руки.

Гости напряженно молчали и слушали Каска, который в течение получаса несколько раз преобразал шуточный тон то на металлический авторитарный, то искажал смысл сказанного, то окрашивал его интонацией иронии, то трагичностью и в итоге полностью запутал, сбил с толку уже ничего не понимающую публику.

Нолан продолжал, сменив образ актера на образ лектора, выступающего на тему научной фантастики:

— Все знают о теории мультивселенных. Опираясь на нее, мы говорим, существует гипотетическая возможность посмотреть на другой исход своей жизни, в зависимости от

того или иного выбранного пути. Иначе говоря, в какой-то из миллиардов параллельных вселенных всего это сейчас вообще не происходит, и я праздную свой день рождения в узком кругу друзей, и моя идея взорвать планету не больше, чем забавная или не очень выдумка писателя-фантаста, каким я в той вселенной, возможно, и являюсь. А в другой вселенной я вообще пациент психиатрической клиники, рассказывающий своим товарищам по палате о гибели нашей планеты от взрыва, произведенного таким же идиотом, как и пациенты этой клиники.

Нолан замолчал, осмотрел зал, который весело зашумел, услышав о варианте предполагаемого, пусть и в другой вселенной, психического расстройства его двойника. Он усмехнулся и продолжил:

— Осталось только получить возможность доступа к таким вселенным, сесть вечером к экрану, в домашней гостиной с женой, детьми, попкорном и, перескакивая с канала на канал, просматривать варианты своей жизни... Возможно, что в будущем, так и будет.

Зал моментально обрел очередную надежду, поскольку прозвучало слово «в будущем».

— Да, возможно, так будет в будущем, но это будет в будущем других параллельных вселенных, а в этой же вселенной, я взорву Землю, — и Каск разразился истерическим и одновременно победоносным хохотом.

Вслед за бурной реакцией Каска на свои же слова в зале раздался звонкий и долгий смех. Кто-то не выдержал и захохотал, люди стали оборачиваться, ища взглядами заразительно смеющегося человека. Но он так и не был найден, тот самый «нулевой засмеявшийся», от которого заболела смехом вся аудитория, — уже через пятнадцать секунд хохотал весь зал.

В зале смеялись до слез Ава и Бобби, Марло и Зен. В странное веселье вовлекся не только зал, но и оркестр с Эмиллией, и все еще стоящие в очереди президенты. Долше всех держались, но все-таки расплылись в улыбке и потом втянулись в общий поток помешательства и Томин с Линь Вэем, и Лиора с Джейсоном.

Смех, конечно, заразен, в этом одна из его и прелестей, и проблем — чем больше смеющихся, тем легче попасть под его, смеха, влияние и хохотать, невзирая на то, что, в общем-то, ничего смешного не происходит. Перекрыть это массовое безумие может разве что такая же массовая зевота, но для этого кто-то должен был зевнуть первым, но было некому — все смеялись.

Нолан смотрел на это буйство с легкой улыбкой родителя, наблюдающего за своими радующихся без особого повода детей и не мешающего им дурачиться, понимая, что такое возможно только в этом возрасте, а детство имеет тенденцию очень быстро заканчиваться. Экраны погасли, и Нолан исчез.

Смех как будто преобразил аудиторию, внезапно всем, или почти всем, показалось, что смех сделал их неуязвимыми, возвысил их над угрозами Нолана, настолько высоко, что когда хохот постепенно сошел на нет, вдруг кто-то очень громко выкрикнул: «Ну так взрывай, чего ты ждешь?!»

После этого смелого возгласа всеобщий разгул усилился новой волной безумного смеха, но внезапно резко оборвался. Наступило похмелье с полным опустошением.

Как только зал окончательно успокоился, Нолан появился вновь. Он уже не выглядел шутком: ни иронии, ни разнужданности или веселья в его лице; ни новых костюмов или даже каких-то атрибутов, которые бы могли принадлежать к вымышленным персонажам-юродивым, — теперь все было обычно. В синих джинсах и белой футболке, спокойный и немного усталый, Нолан сидел в кресле и смотрел с экранов на своих гостей.

От его вида и последовавшего спокойного голоса, а также самой простой одежды, в глазах людей появилось больше ужаса, чем от всего предыдущего маскарада. Стало понятно, первый акт «Шоу» закончился и второй не обещает ничего хорошего.

— Друзья, вы здорово отдохнули, выплеснув накопившуюся тревогу. Поэтому теперь о деле. — На экране позади Нолана появились цифры, графики и расчеты. — Что же я предлагаю? Прошу, помните, пожалуйста, что это не убийство, это подарок. Подарок не только вам, сидящим в этом зале, подарок всем людям на планете. А за нами сейчас наблюдает ни много ни мало девяносто два процента населения Земли, и они тоже, кстати, хотят понимать, что происходит, но с остальными жителями я пообщаюсь чуть позже... Так

вот: присутствующим здесь моим гостям я предлагаю спуститься на борт корабля-дирижабля, который скрыт под вами, на глубине семьдесят пять метров, где я, как вы понимаете, сейчас, собственно, и нахожусь, — спокойно рассказывал Каск. — Когда Земля расколется на части, мой дирижабль, имеющий двигатель, успеет отлететь в сторону от события, чтобы не быть задействованным в энергии взрыва, а отлетев на достаточное расстояние, мы как бы «зависнем» в пространстве и сможем наблюдать, как осколки Земли разлетаются по нашей солнечной системе. — Нолан вновь вывел на экраны симуляцию взрыва.

Земля на видео из голубой планеты постепенно превратилась в зелено-желтую и изнутри стали прорываться на ее поверхность сначала единичные, а затем и множественные золотые лучи-молнии. Видео с разрушением повторилось, но в конце появился объект, которого не было в первом показе. Нолан поставил видео на паузу и, указав на объект, укрупнив изображение, сказал, что это и есть их дирижабль, и с этого места все находящиеся в нем смогут не только насладиться последними секундами жизни планеты, но и осознать собственные последние часы.

— Это будет роскошное зрелище, — с азартом пообещал Нолан, так, будто приглашал друзей на некое представление, а они, друзья, все никак не соглашались.

— Когда же все закончится, а все, я имею в виду исчезновение планеты с ее орбиты, займет примерно двадцать четы-

ре часа, я пушу снотворный газ, и мы умрем, точнее, заснем, это будет прекрасный, последний, вечный и безболезненный сон.

Выдержав паузу, Нолан продолжил:

— Как говорится: на миру и смерть красна! А потом что? Потом, уже после нашей легкой и осознанной смерти, а кто не хочет легкой смерти? Наш дирижабль, как известный средневековый корабль «Летучий Голландец» будет бороздить вселенную. Красивый и грустный одновременно, как символ неразрешимых земных конфликтов, символ судьбы и безысходности... Я дирижабль, кстати, так и назвал, немного, правда, доработал — «Летучий Португалец»».

Нолан внимательно посмотрел на публику. Улыбнулся и сказал:

— Господа! Что еще важно знать и о чем я пока умалчивал, так это то, что я предлагаю проголосовать по вопросу взрыва! Я предлагаю вам решить!

Как сделал паузу и продолжил:

— У вас в руках или в ваших карманах, но где-то при вас должны быть брелоки для голосования. Те золотые штучки с красной и зеленой кнопкой.

Все очень просто. Я сформулирую вопрос и попрошу вас выбрать. Мы будем следовать стандартному принципу. Для принятия положительного решения о взрыве Земли достаточно простое большинство голосов, то есть пятьдесят процентов голосующих брелоков «за», плюс один голос.

Аудитория, у которой было мало сил после «испытания смехом», реагировала медленно. Кто-то поднялся со своих мест, кто-то вновь пытался смеяться, кто-то облегченно поднимал руки к потолку, кто-то начал аплодировать. Лицо Но-лана, крупным планом отразившееся на экранах, расплылось в добрейшей улыбке. Желание публики прочесть розыгрыш в его поведении и словах было сильным, и в итоге, достаточно быстро, слова о факте голосования были восприняты, как то самое, ожидаемое, комичное завершение, то самое раскрытие шутки, которое все так ждали, не дождалось, отчаялись и вот на «дне», уже прощаясь с жизнью, вдруг получили известие, что «казнь в подарок» отменяется.

Линь Вэй, который не так давно в третий раз перечитал «Идиота» Достоевского, даже успел осознать, что, вероятно, именно так чувствовал себя человек из рассказа князя Мышкина, которому был зачитан приговор о смертной казни, а потом, тут же на эшафоте, через короткое время приговор был отменен. Мысль эта и это сравнение приятно разлились в груди китайского лидера, он улыбнулся.

Была и небольшая группа гостей, которая восприняла известие о таком возможном подарке-взрыве положительно и успела даже порадоваться, и пока еще не знала, как реагировать сейчас, сожалеть, что взрыва не будет, или радоваться, что им все-таки дают возможность пожить? Так или иначе, почти вся огромная аудитория гостей была полностью ведома Каском.

Люди верили Нолану Каску, как родному отцу, немного авторитарному, но всегда держащему слово и справедливо-му; они нисколько не сомневались, что результаты голосования отведут от Земли эту беду полного уничтожения планеты и разрушения их драгоценных жизней.

Редкие зрители, а в их числе были и лидеры крупнейших стран, стоящие на сцене, молчали, понимая, что если сама возможность произвести такой взрыв существует, если эти шестьдесят четыре заряда действительно есть и заложены, то никакое голосование не сможет отменить будущий факт такого взрыва. Возможно, отсрочит, но отменить не сможет.

Нолан тем временем продолжил:

— Теперь, уважаемые гости, немного цифр: итак, количество брелоков две тысячи четыреста штук по количеству приглашенных ВИП-персон. Количество людей в зале одиннадцать тысяч восемьсот сорок восемь человек. Это значит, что в среднем на одного ВИП-приглашенного приходится еще четыре человека сопровождения. И не важно, что на кого-то приходится один человек, а на кого-то — семь, поскольку голосовать будут только брелоки. То есть ВИП-приглашенные. А их семьи и сопровождение, могут, конечно, им советовать. Повторюсь: для принятия положительного решения о взрыве Земли достаточно простое большинство голосов, то есть пятьдесят процентов голосующих брелоков плюс один голос. Я вернусь к вам через пять минут».

Все экраны в зале погасли, и Нолан исчез.

Люди в зале начали доставать свои брелоки, всем стал понятен смысл золотых штучек, которые оказались не только пропуском для входа внутрь «Арены Ди Каск», но вот теперь и таким важнейшим аксессуаром.

— Надеюсь, что они останутся сувенирами в честь спасения нашей планеты от театрального розыгрыша Каска, — усмехнулся Зен, увидев, как Марло крутит в руках золотую штучку с рубиновой и изумрудной кнопкой.

Она посмотрела на Зена и грустно улыбнулась его словам. Зен поймал взгляд отца и помахал ему, показывая жестом, не должен ли он подойти к нему. Джейсон махнул в ответ и показал, чтобы Зен оставался на месте.

Джейсон заметил, что маленькая зеленая точка в основании ручки микрофона ярко светится, он постучал по нему, и во всех динамиках Арены постукивание его пальцев по черной сетке прибора отозвалось характерным звуком-шорохом, микрофон был включен. Похоже, что Нолан давал возможность ему высказаться.

Джейсон посмотрел на Лиору, сделал шаг вперед по направлению к залу и поднес микрофон к губам:

— Дамы и Господа, прошу внимания, пожалуйста, прошу вашего внимания!

Джейсон дождался, пока установилась относительная ти-

шина, и продолжил:

— Меня зовут Джейсон Ди Горман, я бывший губернатор штата Техас и кандидат в президенты США на последних выборах. Я буду говорить очень кратко и по сути. Я поднялся на эту сцену сказать, что это не розыгрыш, Каск действительно хочет взорвать планету. У меня есть точные сведения, что то, что он говорит, — это реальные данные о готовности взрыва. И вот стоящие рядом со мной президенты США, России и Китая подтвердят мои слова.

Джейсон блефовал, никаких данных ни у него, ни у стоящих рядом глав государств не было. Но это был один из ходов в жизни, который принято называть ложью во спасение. Он повернулся вполоборота к стоящим чуть сбоку президентам. Лиора, Томин и Линь Вэй смотрели в зал и своим молчаливым согласием и сосредоточенным видом, скорее подтверждали слова Джейсона, чем опровергали. Джейсон продолжил:

— Предложенное нам голосование — еще один трюк. Все, что мы с вами можем сейчас сделать, — это уйти отсюда и не голосовать, не участвовать в шоу, это значит не дать Нолану возможности действовать по его правилам, я не знаю, как и что произойдет дальше, возможно, этим демаршем мы ничего не достигнем, но уверен, нам надо попытаться. Нам всем или максимальному количеству отказаться играть в его игру, и тогда, возможно, мы ее сорвем, изменим его планы.

Зал и слушал Ди Гормана:

— Если же угроза, исходящая от Каска, преувеличена им же самим, то и в этом случае, я считаю, мы считаем... — Джейсон повернулся к коллегам на сцене: — Такие шутки недопустимы и служат примером не то, что не гостеприимства, но и откровенного хамства и неуважения ко всем нам.

Он немного помедлил и сказал почти что в приказном тоне:

— Прошу вас, вставайте и выходите на улицу, ничего не ждите, вставайте и выходите на улицу!

Линь Вэй, поддерживая призыв Джейсона, руками символически указывал путь к выходу из «Арены Ди Каск», и в этих жестах напоминал своего давнего предшественника, лидера китайских коммунистов Мао Цзэдуна, указывающего направление дороги к светлому будущему.

Джейсон положил микрофон на пол, глянул на Лиору, и они вместе стали спускаться со сцены. Томин и Вэй, не дожидаясь, пока президент США пройдет мимо, чтобы не следовать за ней, двинулись первыми, постепенно процессия из президентов увеличивалась, и вот уже по центральному проходу в сторону выхода из «Арены Ди Каск» шла колонна уверенных лидеров. К ним начали присоединяться и другие ВИП-персоны.

Ава, Марло, Бобби и Зен прошли к основному проходу и встроились в шествие покидающих «Арену», подойдя к Лиоре и Джейсону. Джейсон пожал руку Зену и похлопал его по плечу. Лиора на ходу приобняла детей и поцеловала.

Экраны по периметру «Арены» включились, Нолан вновь появился и громко сказал:

— Дорогие гости, вы можете покинуть зал и не участвовать в голосовании, но, даже если в здесь останется один человек и проголосует, то именно его голос и решит все. Если же не останется никого, то тут еще проще: сразу после того, как все покинут зал, я взорву Землю, так что решайте, голосовать или нет.

Заявление Нолана, как и заявление Джейсона, звучало убедительно, но на стороне Нолана помимо убедительности еще был и страх перед немедленным взрывом, что откатывало смелостьдвигающейся колонны назад.

Да, с одной стороны, следовать сценарию Каска неправильно, поскольку идет игра по его правилам, но с другой стороны, ведь голосование точно же приведет к результату, при котором взрыв планеты будет отменен? Разве нет?

Каск, не давая времени подумать присутствующим, продолжил:

— Еще раз: для принятия положительно решения и взрыва Земли достаточно простое большинство голосов, то есть пятьдесят процентов «за» плюс один голос из голосующих брелков.

Процессия во главе с президентами приостановилась. Но-

лан обратился напрямую к руководителям:

— Лиора, Джейсон, Федор, Линь, Антуан. Послушайте!

Он держал на ладони золотой пульт-брелок, камера укрупнила его изображение.

— Как вы уже видели и можете видеть, здесь всего две кнопки. Красная обозначает «нет». Зеленая, соответственно, «да». Кнопки «воздержался» нет, достаточно просто не нажимать ни одну из них, и ваше устройство по окончании десятисекундного периода голосования по каждому вопросу отметит вас как воздержавшегося.

Нолан замолчал, давая переварить сказанное. Джейсон посмотрел на ближайший экран с Ноланом, подумал немного, потом поднял правую руку и, показав Нолану средний палец, продолжил движение. Зен гордо посмотрел на отца, потом на Марло, которая засмеялась и, взяв Зена за руку, пошла вместе с ним и братом за Джейсоном и Лиорой.

Но большая часть процессии полностью повернулась к сцене. Некоторое время сквозь тех, кто остановился, к выходу пробирались те, кто все-таки решил выйти. Последних оказалось значительно меньше, и эта диффузия быстро прекратилась.

Нолан подождал, когда из зала вышли почти все президенты, и продолжил:

— Итак, друзья, это выбор части наших уважаемых гостей, будем уважать его. Но я вижу, что большинство здесь и не покинуло зал, поэтому давайте попробуем провести ре-

гистрацию участвующих в голосовании.

— Нажмите, пожалуйста, зеленые или красные кнопки, сейчас цвет не важен, нажатие кнопки на вашем устройстве подтвердит, что вы в зале и что вы готовы. Прошу вас! Нажимайте.

Люди в зале начали нажимать кнопки. Они действовали так, будто происходила некая веселая игра и их не пугали смертью Земли и собственной смертью. Это событие ушло на второй план, ощущение приближающейся трагедии испарилось, будто его и не было. Все были уверены, что Нолан заканчивает свою игру, и игру, между прочим, интересную. Сколько эмоций они пережили за последний час!

Вскоре на экране отобразились цифры, и Нолан их прокомментировал:

— Посмотрите, прошло одна тысяча девятьсот нажатий. Но еще это не все. Еще подождем. Так, уже больше: тысяча девятьсот девяносто... две тысячи шестьдесят... две тысячи шестьдесят четыре. Похоже, это последний результат... Да! Десять секунд вышли! Итак, зарегистрировалось две тысячи шестьдесят четыре голосующих прибора. Соответственно, могу сказать, что триста тридцать шесть человек, имеющих право голоса, покинули зал.

— Дамы и Господа! Сейчас будет пробное голосование по неосновному вопросу с тем, чтобы потренироваться и окончательно понять, как это работает. Проголосуйте, пожалуйста, нажав ЗЕЛЕНУЮ кнопку, те, кому до сего момента нравилось мое Шоу.

Люди опустили взгляды к своим пультам и так же, как и при регистрации, принялись увлеченно нажимать на кнопки.

— Ого! Сорок восемь процентов присутствующих довольны моим шоу, тридцать шесть процентов нет, и шестнадцать не нажали, значит, пока не определились. Если так пойдет дело, то мы, может, и взорвем эту планету, а? — Нолан засмеялся.

Зал все больше вовлекался в представление, люди отреагировали на выпад Каска легкими смешками, но в основном гулом, как бы говоря «ну все, уже не смешно».

— Ладно, ладно, хватит шуток, что ж, теперь к делу! — сказал Нолан серьезно. — Сейчас голосуем по основному вопросу. Итак, слушайте вопрос! Кто за то, что бы я взорвал Землю? Напоминаю, зеленая кнопка ЗА, красная ПРОТИВ. Голосуем!

Нолан замолчал, публика голосовала. Через десять секунд результаты отразились на экране. Люди загудели, потом начали аплодировать, как аплодируют депутаты, довольные

принятым решением по законопроекту.

— Итак, друзья, сморим на результаты. Поздравляю вас, всего проголосовало 99,8 процентов, из них за взрыв 4,44 процента, остальные против. Взрыв отменяется! — торжественно произнес Нолан.

Люди в зале начали аплодировать, кто-то скандировал «Нолан! Нолан!», тем самым показывая полное удовлетворение от шоу, подтверждая, что Каску удалось сделать этот день запоминающимся, а ведь торжества только начинались.

Нолан смеялся вместе со всеми, и когда гул аплодисментов немного стих, заговорил:

— Но все-таки 4,44%, а это ни много ни мало девяносто два человека, проголосовали за взрыв Земли прямо сейчас, это интересно, все-таки это немаленькая цифра! Кто-то хотел бы взрыв прямо сейчас! И я даже знаю ваши имена. Спасибо вам за то, что разделили мое мнение на этот счет. Но! Взрыв отменяется, — голос Нолана прозвучал грустно, но уже через секунду, он очень громко прокричал: — Отменяется прямо сейчас и назначается ровно через неделю!

«Русские горки Каска» продолжились. Зал, уже было находившийся в конце спуска с аттракциона, когда вагонетка пролетела главную часть своего пути, выдохнул, но вот, вопреки всем ожиданиям, вагонетка не остановилась, а начала новый вираж, новый набор высоты с тем, чтобы вновь резко обрушиться вниз. И, как и в прошлые разы, было совсем непонятно, выдержит ли шатающаяся конструкция аттрак-

циона очередной спуск, или в этот раз подозрительна о вибрирующее сооружение, возможно, обрушится?

Нолан продолжил:

— Взрыв состоится 31 июня в 12 часов по полудню. Я понимаю, что 31 июня не существует, но это будет единственный раз, когда эта дата будет существовать. А вам поясню для простоты, чтобы избежать путаницы: 31 июня в этом году наступит сразу за 30 июня. А пока веселитесь! У вас целая неделя! Все мероприятия, запланированные на неделю, остаются в силе!

Публика, только что восторженно скандирующая «Нолан! Нолан!», поменяла тон, теперь слышались выкрики: «Эй, Нолан! Ну хватит?» — или «Хватит! Повеселились», «Но-лан, Стоп!». Постепенно все в зале подхватило призыв «Но-лан, стоп!» и уже через три секунды публика скандировала: «Но-лан, Стоп!», «Но-лан, Стоп!», «Но-лан, Стоп!»

Кто-то крикнул «Уходим! Ди Горман был прав!» Скандирование «Но-лан, Стоп!» постепенно прекратилось, слышались еще несколько спорадических выкриков «Уходим!», и вот уже вся толпа, почти что в двенадцать тысяч человек, медленно двинулась к ближайшим выходам.

Но-лан, соболезнуя толпе, улыбнулся грустной улыбкой и сказал:

— Всем спасибо за спасение планеты на еще одну неделю. В ближайшее время я познакомлю вас с подробностями и

техническим устройством самого события. Вы узнаете, как именно это возможно осуществить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.